

СМЕНА

Эдуардас Межелайтис:
СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

Отречение Саньки-короля
ИСПОВЕДЬ ТАЙНОГО АГЕНТА

ИЮНЬ
1964

В канун праздника юности корреспонденты «Смены» обратились к комсомольским активистам с вопросом: «Кого из ваших товарищей вы можете назвать героем нашего времени!» Каждый рассказал о своем друге. Вот эти короткие рассказы.

(890)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ Год издания второй первый Выходит два раза в неделю

МОН ТОВАРИЩИ — АТОМНИКИ В Е Д У Щ И Й

Валерий ОЗОНИН, секретарь комсомольской организации физико-энергетического института Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР.

Этапом хорошего нескучаемо многогранен. Я, например, особенно ценю в человеке умение «до краев наполнять свою жизнь».

Вот хотя бы Виктор Ауфурнико. Три года назад он окончил физик МГУ по кафедре ускорителей и приехал к нам. Занимается физиком нейтронной спектроскопией. Наука эта очень молодая: ей около десятка лет. Она почти ровесница нашему юбилею; наверное, вы помните, что десять лет назад при участии Игоря Васильевича Курчатова была пущена первая в мире атомная электростанция. За десять лет наши атомники далеко ушли вперед, но к первой АЭС они по-прежнему относятся с почтением: она их школою научила, хотя и кажется сейчас старомодной.

То, чем занимается Ауфурнико, имеет непосредственное отношение к obtуданию атомной энергии. Центру реакции в котле, как известно, поддерживают нейтроны. Виктор опережает, как взаимодействуют нейтроны с разными элементами, иными словами, из чего, к примеру, лучше делать стенки реакторов. Опыт, который там ставят, умпопярчительно сложен.

А ведь, кроме нейтронных экспериментов, у Виктора есть еще сын Алешка, которого, согласно Мака

Валерий ВОРОНИН, комсомолец и игрок сборной СССР по футболу

О мне было всего 17 лет, когда проходила Олимпиада в далеком Мельбурне. Я тогда делал лишь первые, небольшие шаги в юношеском футболе и с жадностью ловил каждое

рекло, уже надо воспитывать. И же на Люда, молодой специалист, который иногда очень хочется сподить на номер. И Мирославка, которую надо написать. И «промотатор», начальником которого его назначили. Вроде бы успевать ведь нельзя. Но потому я и рассказал о Викторе: он успевает. В одном отделе с Виктором работает Василий Манюхин. Когда-то удмуртского школьника терзали сомнения, кем стать: астрономом или художником. Встал он: хорошия физиком-атомником. Его профессия — исследование новых реакторов. Ядерные источники энергии должны стать дешевыми, простыми и высокоэффективными. Мирские запасы урана и тория составляют ангие миллионы тонн. Этого хватит человечеству на десятки тысяч лет. Василий Манюхин вместе с сотнями других физиков и думает над тем, как помочь человеку овладеть этим неискаваемым энергетическим источником.

У Манюхина в нашем институте высокая репутация «ходячей энциклопедии». Естественно здесь сыграла роль его глубокая привязанность к арзелогами. А может, блестящее знание литературы. И потом, признаюсь, далеко не каждый из нас может похвастаться знанием трех или даже двух языков. Манюхин свободно читает книги на английском, французском и немецком. Чтобы просматривать «Лигуит», он изучил итальянский. Василий утверждает, что при наличии такой системы язык постигается в два-три месяца.

В том же отделе, что Ауфурнико и Манюхин... Впрочем, у нас в Обнинске несколько больших исследовательских институтов и целая армия молодых физиков, химиков, биологов. И вы, наверное, сами догадываетесь, что, помимо нас, насколько не хуже Ауфурнико и Манюхина.

У МЕНЯ РАСТЕТ СЫН

сообщение об играх нашей команды на олимпиадском турнире. Наши тогда стали чемпионом, но не эта радость нас больше потрясла тогда меня больше всего.

Долгое время я ходил эволюционировать рассказам о мужестве, я не побоясь даже сказать — героизма — защитника нашей сборной Николая Тищенко в полуфинальной встрече с Болгарией.

В столкновении с игроком «Литовки» нам получил перелом ключицы, но остался на поле и продолжал играть. Вы представляете, что это такое — перелом ключицы! Ахская боль сжимает все тело, трудно даже

Рассказывать о друге сложно. Представьте себе: полурак палатки, светятся циферблаты приборов. Мы сидим с Володией Николаевичем, спорим. Спорим, как спорили еще в училищные годы, когда, отложив в сторону учебники, устранились на подоконнике. Иногда Володя брал в руки гитару и пел.

Пел он здорово и даже способен поступать в театральные институты: высокий, широкоплечий, белокурые волосы, открытые назад, в общем, сценческая внешность. Мы любили, когда он пел о капитане, который вел караваны где-то возле Северной земли.

Север. Арктика. В Ленинграде мы знали об этом немало, но представляли себе все немного не так, а сейчас сидим в палатке, и под нами Северный ледовитый океан, станция «Северный полюс-9». Мы радиотехники-ладофиники... Перебивая разговор, вдруг странно задребкал телефон, потом — грохот. Что у них там происходит? (Наша палатка с аппаратурой в стороне от основной базы лагеря.) Вышли, взглянул — между нами и лагерем покачивается черная вода океана.

Через разлом уже не перепрыгнешь и не обойдешь его: он протянулся на несколько километров. Начали грузить оборудование в клипер шевельства, а Николай двинулся, принимал и отбивал мячи, зная, что заменять его, по правилам турнира, нельзя. Работать старались подстраховывать Тищенко, облегчить его положение, но он сам решил швел в бой, показывая образец поведения для любого советского спортсмена. Именно с его подачи был забит гол, принесший нам желанную победу.

И когда я пытаюсь представить на месте Тищенко, любого из ребят — игроков нашей сборной, я уверен, что они поступили бы точно так же. И Алки Шестерня, и Леша Корнев, и Витя Шустиков, и уж, конечно, Лев

бот. Я поскользнулся. Вперед минимум ледяная ванна. Володя подхватил меня в последнюю секунду.

Как мы перепробовали все приборы, не стоит рассказывать, но когда, казалось, аврал закончен, на лагерь пошла торосы.

Стоял такой грохот, словно рядом работали десятки заводов. И начался еще один аврал.

Надо было немедленно перебраться лагеря: перетачивать десятки тонн груза. А трактор один. Грузили все на волокуши, впрягались сами по пять, по десять, по пятнадцать человек. И все это под аккомпанемент ледолающей лава. А потом мы спали восемнадцат часов подряд.

Три месяца мы были с Володией на станции «Северный полюс-9», а потом вместе знакомили на «Каспиев» (так в институте называют «СП-10»). Володя умел развеселить нас всякой шуточкой, простоял подряд две вахты за себя и за друга — двадцать четыре часа без отдыха.

В дружбе иногда один бывает старшим, и тут дело не в возрасте, а в какой-то внутренней зрелости. Володя — старший, но учил меня еще в училище, да и не только меня, часто работая, он, если хотите, воспитывал в нас силу воли.

В нашей дружбе он ведущий.

В этом году мы вместе в один и тот же день получили награблеты. Володя предложил: давай устроим дальше... и мы поступили на подготовительные курсы. Будем поступать в Высшую мореходку на радиотехнический факультет.

В институте Арктики и Антарктики есть Большая светлая комната, заставленная приборами электротехнической лаборатории. В ней работает много людей. Там рядом с моим столом стоит стол моего старшего друга — старшего инженера Владимира Николаева.

Зрителям знают Яшню — великого вратаря, равных которому не было и нет. А мы, даже те, кто не играет с ним в одном клубе, любим и уважаем его не только за мастерство. Это человек большой души, замечательный товарищ, образец поведения для каждого из нас.

У меня растет сын Мишка, он еще очень мал, но уже интересуется спортом, особенно футболом. Я не знаю, как он будет, когда вырастет. Хочется, чтобы он стал настоящим человеком, вооружен в себе лучше, что есть в моих друзьях-спортсменах, лучше сердце и качества нашей славной сегодняшней молодежи.

Д О В Е Р Н Е

**Владислав
ВОРОВОВ,**

инженер-механик
комсомольской
штабы
строительства
электростанции
«Апатит»

Двадцатое ноября было необычным днем на стройке. На этот день назначили работу второй очереди обязательных фабрик АНОФ-2. Разбрызгивая белила, подновляли кулаковые транспорты художник. Находили праздничный лоск на стенах газгольдер машин. Говорили, будто кто-то видел на столе у председателя постройки кусок ленты и пригрозил газетой ножицу. Мудры глазами, мастера, работы ходили гладко выбитые и с самого утра чувствовали себя так, словно сегодня у каждого из них — свой, личный день рождения.

И вдруг я увидел лицо бригадира монтажников Вася Суровцева, моего давнего друга. Я не узнал его. Уста по понижке плечи, какой-то теньный, тусклый блеск в его голубых, всегда смеющихся глазах.

— Что с тобой, Вася?

— Не будай. Ничего, понимаешь, не будет... Все — насмарку!

Через секунду мы бежали к главному корпусу, к бесконечным рядам флотационных машин, заверша в ожидании работы. Еще вернее — двое мастеров из бригады Суровцева подогнали и закрепили здесь последнюю лопасть.

— Вот это, — сказал Вася и остановился.

У наших ног лежал чужинский круг масляного шива, и по нему змеилась трещина — след удивительной небрежности и головопашества людей, которые привезли шива на фабрику и при разгрузке расколоты его. А без него, шива, мертвы флотационные машины. Бесполое торжественная зима на столе предвещала построению и летит ко мне чертмз смысл последних двух недель, когда бригада Суровцева беззастенчиво сидела в шахе, торопясь закончить к назначенному сроку все сам дела.

В этот момент мимо проходил старик. Вася кинул к нему:

— Слушай, друг, ты можешь это сделать?

— Кто можешь?

Сварщик потоптался около чужинского круга и сокрушено взвизнул руками.

— Да ты знаешь, что это такое? — возмущался Суровцев. — Это же праздник! Это два с половиной миллиона тонн концентрата, это — все, понимаешь!

Сварщик растерянно шевелил пальцами.

Ну, если смил факсу... Да у меня же слонора не ребята...

Вася махнул кому-то, и через минуту, словно из сказки о волшебной лампе Аладдина, появились двое парней с носилками. На носилках лежал голубой сигары кислородного баллона.

...точно в назначенное время секретаря Мурманского обкома партии Алексей Матвеевич Матвеев перевердел ленту у входа в главный корпус. Дрогнули лопасти флотационных машин и замесили в мыльном растворе неизмененному руду. Целом флотационная машина наполнилась ровным рабочим гулом. Вторая очередь АНОФ-2 вступила в строй.

Мало кто из присутствующих на торжестве строителей и гостей здания догадывался о том, что всего лишь час назад праздник мог не состояться, что всего лишь час назад во флотационной шахе произошло событие, от которого зависела судьба пуска всей фабрики.

И в праздничной толпе строителей я вновь увидел лицо Васи Суровцева. Я никогда не видел в его голубых глазах столько радости, столько гордости.

А сейчас бригада Василя Суровцева ведет монтаж третьей очереди АНОФ-2. Многие, очень многие ребята мечтают о том, чтобы работать в этой бригаде. Мечтают потому, что здесь, в бригаде коммунистического труда, собрался настоящие хозяева

стройки, которые, как быть членом бригады Василя Суровцева — Большая честь, потому, что ребята из этой бригады хочется подражать во всем.

Новички, принимаемые в бригаду Суровцева, проходят обряд посвящения в члены бригады. А для того чтобы выполнялись все законы бригады, надо многое знать и уметь, и главное — быть настоящим человеком. Вот почему в бригаде ребята — на подбор, и каждый из них старается походить на бригадира.

Я рассказал о своем друге, молодом коммунисте Василии Суровцеве, на комсомольском собрании именно таким образом: был человек, в котором органически соединяются лучшие черты нового поколения советской молодежи. Он хозин участва, на котором он хозин бригады, он хозин стройки и в конечном счете полноправный хозин страны. Интересы Большой химии — его личные интересы, интересы бригады, которая в недалеком будущем станет ежегодно выпускать 10 миллионов тонн апатитового концентрата для нашего сельского хозяйства — его личные интересы. А для того чтобы не могло, не может, не считает себя вправе быть пассивным наблюдателем. И когда мы вместе с Васей были на строительстве, Вася, обсуждая вопросы развития химии, еще раз убедился, что это человек не зря облучен безоговорочным доверием молодых строителей нашей комбината.

**Татьяна
КУРИНА,**

секретарь
объединенного
комитета ВЛКСМ
строительства
химического
комбината
«Фосфорит»

Хочу сразу оговориться, что ничего героического у этого паренька нет. Парень как парень, может, только ростом не удался, но ему всего девятнадцать лет, и у него все еще впереди. А так не мелеет у нас на стройке его величю по имени-отчеству: Николай Иванович.

Появился Николай Иванович у нас в июле 1962 года, когда работа на стройке, по существу, еще только началась, когда строители заканчивали земельные работы под фундаментами первой очереди главного корпуса. Сейчас парав очередь комбината уже выпускает фосфоритную муку для нашего сельского хозяйства, а Николай Иванович возводит опалубку под классификаторы второй очереди.

Если вам доведется попасть в бригаду Валеева, вы обязательно обратите внимание на этого невысокого паренька в ладно подогнанной рабочей спецовке.

Николай Иванович — плотник. В бригаде Валеева их было девять, таких ребят, пришедших на стройку после окончания строительного училища. Тогда они все были просто озорными мальчишками, не умеющими даже как следует держать в руках плотничий инструмент, и было

забавно смотреть, как они на глазах превращаются в солидных рабочих людей. Шестеро из них уже ушли на фронт, а об оставшихся троих бригадр может рассказывать сколько угодно, и только хорошее. Но предпочтение он все-таки отдает Николаю Ивановичу.

Почему? Да потому, что этот немногословный юноша работает так, как должен работать, но не всегда, к сожалению, работает каждый. Он опосится к своему делу, как хороший художник, пишущий новое полотно, как искусный конструктор, проектирующий электронно-визуальную технику. Работает все, без извращения — опалубка, но сделал ее надоборостно — и пойдет на перенос бетонная колонна или балка, рунет созданные руками сотен людей сооружения. Так точно, что делает Николай Иванович, отличается прежде всего редчайшей добросовестностью. И в основе этой добросовестности лежит чувство рабской гордости, той самой гордости, которую никогда не позволяет человеку и работать и жить спустя рукава.

Без отрыва от работы окончила парень все пять классов и курсы шоферов. Конечно, можно выбрать и другую профессию. А он по-прежнему плотник. Наверное, именно поэтому, ставшая даже необыкновенно трудолюбиво и честности этого паренька, рабочие уважительно называют его по имени-отчеству. И когда я думаю об отличительных чертах моего современника, о тех, кого принято считать героями нашего времени, кому надо подражать, а всегда вспоминаю о рабочей гордости Николая Григорьева.

**Дныозеф Анем
ФОНДЕМ,**

намеренный
поэт,
студент
Университета
друзья
назов
имени
Патрис
Лумумбы

Это было несколько лет назад у меня на родине, в Камеруне, в городе Кумби. Я шел по пути и по дороге встретил своего друга, который держал в руках экземпляр советской газеты «Москью ныс». Вместе с ним мы прочитали весь номер и нашили так сообщение о том, что в Москве открывается Университет дружбы. Мы сразу же решили поступить туда учиться и poslali наши заявления.

Вскоре мы стали студентами. Это было осенью 1960 года. Сейчас я учусь на четвертом курсе. За время пребывания в Советском Союзе я не только изучал науки, но и близко познакомился с советскими людьми.

Мы живем в эпоху великого прогресса, и молодежь сегодня играет более значительную роль в истории, чем когда-либо раньше. Наше время — это время огромных революционных преобразований, зарождения новых отношений между народами и правительствами.

Советская молодежь показывает пример не только в отношениях друг с другом, но также и в повседнев-

ПУСТЬ КРЕПНЕТ НАША ДРУЖБА

ных отношениях с молодежью других стран.

Хочу привести один пример, только один из тысячи.

Спустя несколько месяцев после приезда в Москву я познакомился с русской девушкой, которую звали Тамара Блинова. Тогда я совсем не знал русского языка, и она тоже не говорила по-английски. Мне нужно было позвонить ей по телефону, но сделать это не владея русским языком, я, разумеется, не мог. Тогда я обратился за помощью к Володе, своему соседу по комнате. Володя от моего имени позвонил Тамаре и передал ей все, что я просил.

Как началось наше дружеское Володей, так я нашел друга, который сейчас для меня значит едва ли не больше, чем брат.

Володя много товарищески. И все его очень любит за простоту, честность, отзывчивость, готовность в любое время прийти на помощь. По-моему, так и должен быть настоящий советский юноша. Я нарочно не называю его фамилию: ведь таких, как он, я уверен, очень много среди советских молодых людей.

Советская молодежь глубоко проникнута духом пролетарского интернационализма, чувством братской солидарности со всеми народами.

Особенно в Москве будет проходить Всемирный форум солидарности. Этот форум еще больше упрочит единство молодежи разных стран в борьбе против всех форм угнетения. Ведь мы все вместе должны бороться за лучшее будущее, против сил империализма.

Почему на педагогов выходит с дипломами учителя «случайные люди»? Почему они не способны творчески работать с новыми методами и приемами? Случайность ли это?

Если опровергнуть случайных и неслучайных студентов по тому, как они относятся к лекциям, то я сам во времена учебы в институте года полтора был самым закованным слушателем. Слушая лекции некоторых преподавателей, мы все сидели скучными и сонными. Преподаватель являл и базисно лично пересказывал нам в сокращенном виде материал учебника, раздала его цитаты. Они обладали удивительной способностью вызывать у студентов нетерпение и протеста против науки. У меня не раз появлялось желание сбросить ее института. И я был, точнее всего, если бы не Иван Иванович Павловна Храницова. Назидая Павловну студенты болели. Писать творческую работу старались под руководством милосердных преподавателей. Мне, как я считал, терять было нечего, и поэтому я согласился писать

ТОЛЬКО УЧ

курсовую у Храницовой. Столько же я узнал интересного, и не только о своей профессии. Иван Павловна разбудила во мне любознательность, инициативу и самостоятельную изучение наук.

Институт я окончил в числе лучшей пятерки. И был уверен, что все «благие планеты» мною преодолены. Но как выяснилось в период подготовки к экзаменам. Студента нужно не только приобрести знания, но и научиться применять эти знания людьми. Этому-то как раз меня и не научили.

Вот так дается изучение педагогики и методик в отрыве от практики? К сожалению, у Павловны не было ни у нас порой складилось и перенести привычку под диктовку преподавателя школьных программ. Старики не называли ее педагогикой, была

ЭТО НЕ ТОЛЬКО

ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО!

Разговор должен вестись годами

В статье «Случайный балл» затронута некая проблема. Мне хотелось бы остановиться на одном. Хорошо подготовка педагогов, насколько она зависит от того, как поставлена в вузе преподавание методики. Студентам читают лекции, проводят практические занятия, студенты разрабатывают лабораторные работы, конспектируют или шифуют школьные программы, преподаватель проверяет их, ставит оценки. На этом изучение методики заканчивается.

Практика же бывает кратковременная. Проверка практической работы будущего учителя проводится преподавателями-методистами непосредственно, методисты не в состоянии ее как следует проверить: не хватает времени.

Представьте себе лектора, который прослушал лекцию по вождению автомобиля, и считая, что раз разобрал и собрал некоторые узлы в системе управления и был выпущен в самостоятельный полет. Вряд ли кто-нибудь из преподавателей пединститута согласится лететь на самолете, летчик которого так «оригинально» подготовлен. А вот учители, изучившему «скоростным» приемом методику преподавания, говорят учить и воспитывать детей. Не случайно поэтому выпускники пединститута, как правило, очень слабо владеют методикой преподавания, имеют весьма смутные представления об учебном процессе как процессе творчества. И нередко уже в школах с первых же шагов приходится переучивать молодого педагога. Мне кажется, следует подумать над тем, как перестроить преподавание методики по каждому предмету, чтобы все узловые вопросы школьной программы по наборению студентом учебной дисциплины он разрабатывал под руководством методиста пединститута и вел бы по этой программе уроки в школе. Трудной да. Но обязательно нужно. Обязательно!

П. СЕДОВ,

директор школы-интерната № 1.

Рассказово, Тамбовская обл.

Прочитав статью «Случайный балл» я вспоминаю один эпизод из своей жизни. В 1949 году я сдавала экзамены в престижные пединституты. Хорошо знала русский, литературу, конституцию, географию и архиметрию, но на экзамене по геометрии получила слабый балл. Я уже собралась сдать экзамен по математике. Но мне подсказали на беседе Елена Сергеевна Кутушова и тогдашний заместитель директора училища. Разговор был долгий. В результате нечаянно знакомый учитель предложил поконкурсу. Были оставлены в пединституте их число было четыре. Через 4 года я получила диплом, и через 5 лет окончила институт в средней школе № 3 города Новоросси́ска. Дядьки Министерство просвещения РСФСР наградили меня почетной грамотой, крайком ВЛКСМ, горком ВЛКСМ. Только не подумайте, что я хвасталась, я хочу сказать лишь, что Елена Сергеевна по мне не ошиблась. И не только во мне. Годом раньше она помогла и Николаю Романову. Я думаю, давайте считать, что я получила «чужую» оценку. Но вступительные экзамены он не добрал баллы, а сейчас это прекрасный, всеми уважаемый педагог. И вот другой пример. Одновременно со мной окончила училище и получила диплом с отличием Иван С. Сейдич он работает старшим на кинофабрике. Вот вам «случайный балл» в действии.

Я думаю, даже если в каждом училище в каждом институте будет создан специальный отдел по работе с выпускниками, то все равно останется несвязанным одним разговором с методистом, недостатком, чтобы определить, кто из них будущий педагог, а кто нет. Этот разговор должен вестись годами. И полностью согласен с автором статьи «Случайный балл» и поддерживаю предложение организовать в школах комитеты для тех себе у педагогов есть признание и труд педагога.

Ж. ГРИЦАЦ

Статья Виталия Третьякова «Случайный балл», напечатанная во втором номере «Смены», вызвала большой приток писем в редакцию. И хотя поднимает статья как будто узкоспециальный вопрос, — речь в ней идет о подготовке педагогических кадров для нашей школы, — обсуждают эту проблему не только учителя и преподаватели вузов.

Пишут маляры и газетчики, врачи и геологи, пишут инженеры и шестидесятилетние школьницы. Люди разного возраста и разных профессий озабочены одним. Время ставит перед обществом все новые задачи. Решать их завтра будут сегодняшние школьники. И от того, насколько совершенна наша система подготовки педагогов, во многом будет зависеть успех решения этих задач, успех воспитания молодого поколения строителей коммунизма.

Итак, слово нашим читателям.

В СИЛУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ?

Я еще раз перечитал статью «Случайный балл». Задела она меня. В моей памяти еще свежи тревоги вступительных экзаменов, и волнения первых уроков на практике, и первые разочарования. Сейчас, работая уже не в школе, а в районном оздоровительном лагере, могу более конкретно анализировать свои первые шаги на учительском поприще.

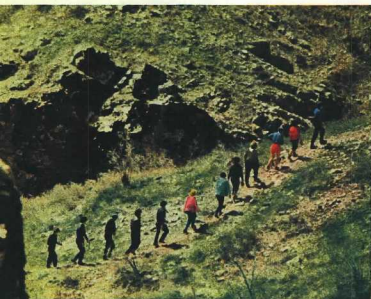
Намму с избитыми, истоптанными дорожками неслучайно называют студентов-первокурсников пединститута — люди, искавшие счастья в каком-нибудь «могучем» вузе и оказавшиеся здесь лишь в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств. Они, эти люди, будут в институтах по тем же, пока существующая система приема в вузы отдаст предпочтение проходному баллу. Правда, я знаю случаи, когда такая педагога-заменителя помогала разогнать. Работом юности, будущему учителю с горячим сердцем. Мне много возразят, что такого «чужака» не бывает. Но если на этапе зачисления студента сидят в пединститутах, то гарантия на него есть это самое чужое. Очень важно, кто и как пригласит в вузы вечерних школьников. И, конечно, не менее важно, кто и как пригласит в вузы дневных школьников. Малодне находит, как правило, не может не быть в школе, то выясняется, что школы они знают только по студенческой паританке. Иные вообще делят институты на три типа: пединституты, разрабатывающие лишь тех педагогов, которые проработали в школе минимум 5, а то 10 лет.

г. Киров, Калужская обл.

Владимир ЗУЕВ,
выпускной учитель

Самое трудное — ходить в цепочке. Так и тянет забрести куда-нибудь в сторону.

С ДОЖДЯ ТАК И НЕ БЫЛО

Гводка погоды обещала в воскресенье похолодание с дождем. И Володя Толстых засомневался: как-никак новички идут в свой первый поход, промокнув, продрогнут, в следующий раз никто не пойдет. К тому же фабком машину не выделил, сломалась, говорят.

В общем, собрал Володя всех инструкторов, отвел их в сторону, к гандбольной площадке, и начали они тихононько совещаться. А новички сидели около своих рюкзаков и покорно ждали: кто их знает, может, так полагаются перед походом.

Потом их тоже позвали.
— Видите ли, ребята, по-

года поргится, вот-вот дождь начнется.

— Ну и что, мы же не сахарные, не растаем!

— Тут сводка плохая, похолодание обещают...

— Ну и что, погода-то сводок не читает, вот увидите, все будет наоборот.

— Машина испортилась, а до Ак-Таша путь неблизкий, и ночи только доберемся...

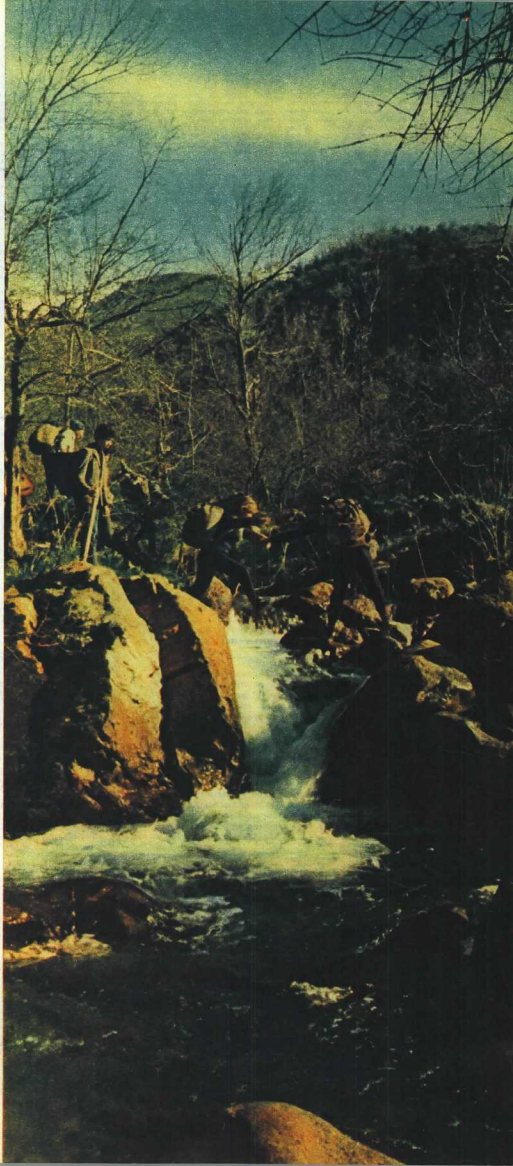
— Ну и что, даже интереснее, поедем автобусом, а то и попутную поймать.

— Раз так, смотрите, потом не жалуйтесь...

Но инструкторов уже никто не слушал. Все побежали за рюкзаками, заторопились, началась легкая суматоха — она ведь всегда

Вода холодная, камни скользкие. Тут гляди в оба, не то перетянет тебя рюкзак прямо в речку. ►

Восемь человек ставят одну палатку. Ничего удивительного: новички!

Бывает перед дальней дорогой. А Нина Мурзина с отделочной фабрики, самая строгая, самая опытная из всех инструкторов (она была за то, чтобы нигуда не ехать), улыбнулась и сказала:

— Эх вы, с гитару-то не взяли!

Тогда стали вспоминать, у кого в поселке есть гитара, и тут же отрядили Свету с первой ткацкой к ее подружке. Без гитары туристам никак не обойтись.

А потом... Потом были восхождения по горным тропам, тренировки по скалолазанию, поляны, все в горных тальпанах, и, конечно, песни у ночного костра, самые задушевные песни на свете. А вот дождя и холода не было. Права оказались новички: погода складов не читает. Да что там говорить, посмотрите не снимки, — они лучше всяких слов расскажут, как здорово и интересно проходила этот поход, который официально

назывался «туризмом выходного дня».

Это было в Ташкенте, на текстильном комбинате, известном всей стране не только своими яркими ситцами, но и спортклубом «Текстильщик» — участником многих всесоюзных соревнований. Туристы в спортклубе — люди уважаемые. Этим летом для них за городом будет открыт палаточный городок, ведь донья на свежем горном воздухе приносит людям крепкое здоровье, отличный аппетит, хорошее настроение. Это уж совершенно точно, врачами комбината не раз проверено.

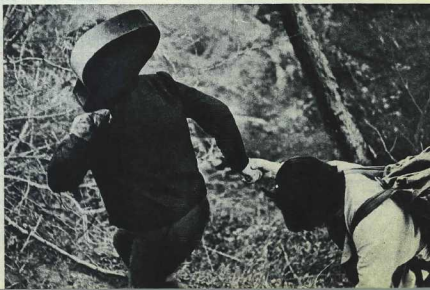
Вот, собственно, и все об этом весеннем воскресеньице на Ташкентском текстильном комбинате. Между прочим, недавно в редакцию пришло письмо от Нины Мурашиной и Володи Толстых. Они пишут, что на лето комбинат посылает их работать в лагере инструкторами. С ними вместе поедут многие из знакомых нам новичков.

«Неужели и мы сможем так же?» — думали ребята, глядя на Володю Толстого, спускавшегося по отвесной скале. Скоро они сами спокойно проделают то же самое.

Фото С. ПЕТРУХИНА

Без гитары — ни шагу!

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ

И н ф л я ц и я д у ш и

1

Когда-то в тени Нью-Йоркских небоскребов я встретил поэта «бтннича» Алена Гинсберга. Об этой встрече я уже писал. А недавно в путешествии мне снова пришлось вспомнить о нем. На этот раз в мои руки попал литературный Нью-Йоркский журнал «Палатка». В журнале я прочитал письмо Алена Гинсберга из Афин.

2

Поэт убежал из Нью-Йорка, зарылся, забился в античность. От завалов тлена и морта спасается личность. Поэт не бряцает на лире, гармоний он не находит, вокруг в хаотическом мире инфляция душ происходит. Поэта преследует хаос, вокруг него вьются подонки. Гармония, где ты! Осталось сплошные обломки.

3

На обломках мраморного корабля он сидит и воев вткломлюк,

он сидит, уподобляясь волку, воев, ничего не говоря. Его юнга называлась «Вой». Мы ее читали.

И поныне кружит над моею головой вой души, заброшенной в пустыне. А теперь в письме услышала я продолженье этого воять.

4

На этот раз он античный сатири или бродяга Пан. Любит ли, нет ли он этот мир, не понимаю сам.

Лжет. Обманывается без стыда, иронией исходит. А когда от иронии устаев, в сад Эпикура идет. Вах для него не жалует даров, поддгрыивает в свирель. Я думаю, что поэт готов лечь с Афродитой в постель. Не все ли равно, с кем переспать, с какой из многих подруг! Правда, нужно сперва закатать Афродите протезы рук.

Вот какова у него душа, детиде мятежа. С такой душой Раскольников мог переступить порог.

5

Несовершенство для него Афродита. Поэт погрязает в вопросах. Где совершенство!

Читает Эхлида.

Говорит, что достоин презренья этот мир: до того он плосок — умещается в два измерения. Это невыносимо для зренья! Перечитывает Гинфгарора... Над поэтом сплоснется Мойра I, улыбаевся странной улыбкой, издеваевся над грубой ошибкой. Усмеаевся древняя Мойра над навьюко схемой Эхлида.

Неподвижно стоит Афродита. И не может сойти с пьедестала. С корабля не подытается Инке. От полета Инка устаев. И разбиты крылья у Инки. А корабль на куски разбился — вдребезги. Корабли вообще разбиваются вдребезги. С той поры их разбилось немало вдребезги.

1 Воиния судьбы (греч.).

Д в а б е р е г а

Саксофоны воеут воев песнями. Я за стоником с почтенным господином.

Между нами стол, как будто море... Он жуев бифштекс, цедит вино, не знает горы.

Рявие дивана, пенье, звон посуды... Я смотрю в лицо, а вижу — зубы.

Два ряда прекрасных, ровных, белых, работавших, острых и умелых. На противоположный берег моря он сбегал. Ест, пьет, не знает горы.

Саксофон скрежещет, плачут трубы, золотом и снегом блещут зубы.

И певиде исторгаев звуки через белые и золотые зубики.

Профиль мраморный от конька бледнеет, клавиши зубов во рту блещут.

Словно из кошмаров Сальвадора Дали всюду зубы в кабаев блистали.

Некогда стихи о Человеке я писал. Но о зубах — ни строчки. А теперь в Нью-Йорке на Бродвее я за них беруев без проволочки.

Зубы! Удивительные зубы, как решетка, мозг огородили! Мамонты, коровы, овцы, зубры черт эти зубы проходили. Зубы человека, зубы зверя, есть, как видно, сходство между вами. Есть, конечно.

Но я больше верю в различие меж этими зубами. Почему — не знаю, эти мысли на Бродвее вдруг меня настигли.

Выползает тело саксофона из зубов, с аевроничными оскалом, губицим движением питона тянется к тарелкам и бокалам.

Пампоси, сигареты и сигары укривают розовые губы, а на сцену выбегает зубы, стройно разбиваются на пары, голые, как будто балеринны, морщат ротов, строят пантомимы. Саксофон с ума сошел от смеха, и внезапно выползлив из дыма зубы помоллого господина, моего почтенного соседа.

Только на другой я берег уплываю и его лицо позавываю. Не рога, не шкуры и не лапы — зубы, словно пропавшие, между нами, и брястает неоновые лампы, отраженные его зубами.

Впрочем, Ника крыльев не надо.
Руки для Афродиты — помеха.
Чтобы Ника влась не взлетала,
Афродита не обнимала,
чтоб не слышать вой и смеха,
чтоб никто, смеясь, не сказал бы:
это не богиня, а бабы.
Потому и не надобим руки...

А пот умирает от скуки.

6

А в плане двух измерений ты перед собой видишь
молодежь в кафе «Апокалипсис»
на скале Гринеджи-вилледжи.

Бурдалани,

сатир,

фантомом сердито

завмывают,
и целуют тебя современная Афродита
и протезам обнимают.

Очи — два измерения.

Губы — два измерения.

Сердце — два измерения.

Скула — до измерения.

Плоскости... Плоскости... Плоскости.

Плоскость картоных квадратов.

Нет ни воршины, ни пропасты.

Плоскость кафе-автоматов.

Плоскость асфальта.

Плоскость плоских людских силуэтов.

Плоскость — это бесплодность.

смерть для поэтов.

О Афродита, Венера —

призрак, фантом и зилера,

жест, картон и фанера!

Улицы летят в небо.

Ты простираешь руки

и умираешь от гнева

или от скуки!

7

На разбитом корабле античности
ты, поэт, убегаешь от плоскости,
убегаешь от геометричности,
плачешь в поисках гармоничности.
Начинаешь с истоков поиска.
Начинаешь с истоков димжене,
ищешь новое измерение.
Ты сидишь на обломках мрамора,
голова гудит, словно раковина,
завмывает письмо тоскующее,
хаотическое, негодующее.

8

Несколько лет тому назад я тоже сидел на этом
мраморе и раздумывал о судьбе Эвклидовой
геометрии. И вдруг почувствовал прикосновение
зажлой руки. Я поднял голову и увидел белого
мраморного Вакса с солнечными глазами. Он
предложил мне гроздь золотистого винограда.
Его виноград был сладок. И я почувствовал, как
сгорела моя душа, и услышал голос человека.
И в сумле всех моих измерений — человек.

Нью-Йорк.

Б а т а л и я з н а м е н

1
Знамя —
пылущее вдоль горизонта,
словно кусок океанской сини.

Знамя,
словно осколок солнца,
знамя —
цвета желтой пустыни,
знамя —
скокмеж с лебедным крылом,
знамя —
в слезах, в огне и крови,
знамя с крестом и знамя с орлом.
Много я видел знамен за свою жизнь:
видел знамена в лохмотьях и без дрвков,
видел знамена, которые и солню краской
из чинальи,
из могил,
из онов.

Я видел знамена:
они выплывали
из окровленных рук.

Я видел,
как снова они аставали
и к небу зывмывали вдруг.

Я видел знамена: они вырастали,
словно деревья в лесу,
и парод ветром стояли,
онидая весу.

Деревья гудят весною,
и знамена шумят,
и полыхает пламенем,
зеленую,
синевую
их весенний наряд.

Знамена!
Вы — крылья надежды,
вы — песни борьбы и любви,
вы в наших мечтах и легендах
уходите вместе с людьми.
О знамена!
Одно — неопорное,
другое — трусливое,
а третье — списное,
четвертое — доброе.
О знамена!
Вы различны, как люди,
и вам хорошо знакомы
сердца знаменосцев.

2

Но хочется мне вам, знамена,
сказать в изидание,
что спесь и попранье закона
всегда понесут наказание.
Я помню:
в дыму сорок пятого года,
неся названье,
у стен Мавзолея по воле народа
пылало синевое знамя,
повисшее,
как голова с шафота.
Я видел:
склонялись знамена,
мола о прощенье,
знамена-убийца.
Как помню
они понимали свое назначение!
Их было простить невозможно.
Они перед этид над жертвой смеялись
в угоду своим трубадурам,
и так горделиво они развевались
над Бухенвальдом,
над Лидице,
над Орадуром.
Склонились знамена,
просили пощды.
Но сердце не трогали их излиянья.
Пускай их сожжет справедливое пламя.
Они по земле беспощадно шагали
и сами когда-то костры разжигали.
Пускай умирают средь дыма и чада!
И я говорил им: вот ваша награда!
И не было слез от презрения и гнева.
И дым поднимался в далекое небо,

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

когда-то надменно они развевались.
Горите!
Играли с огнем! Донгались!

А голос повешенных
и зажво законных
несли над Красной площадью
и были нашей совестью.

А знамена-сверхчеловечи
били лбом мостовому,
и трещали дубовые дрвки,
и голодное пламя трещало,
окирувало и поглощало
всю их спесь родовой.

А когда-то они раздували
в крематорных пламя.
А сейчас вот, наконец, пылали
в этом пламени сами.
А сейчас им из той же чашки
беспощадно и непреклонно...

Проверь, человечество, কাছে
свои знамена!

Перевел с литовского
Станислав КЮНЯВ.

СТРЕЧЕНИЕ САШКИ-КОРОЛЯ

Валерия ГОРДЕЕВА,
Александр АГОНОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
ОДНОЙ ЖИЗНИ

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народного суда... района города Москвы в составе... рассмотрел дело по обвинению... по статье... Уголовного кодекса Российской Федерации, приговорил... Назарова Александра Петровича по статье... к десяти годам лишения свободы...

Он отложил книгу и рассеянно огляделось... Кто-то тщательно чинил теледранку, кто-то интересливо варила жизнь, кто-то пылал распухшими самодельными картами...

До отбоя дома — часа полтора. Он открыл обдуленный чемодан, достал со дна тонкую тетрадь в сиреневую клетку и пошел и стелу — небольшой, коричневый, нагло струганный... Тщательно снес с клеенки крошки, бережно расстлал чуть-позади блокнот, вынул с четкой надписью «Дневник Александра Назарова» и подперв голову залуцался. На левой руке ярко сияло солнце, освещая синими лучами синие шифры — 1939 год, когда человечество получило в подарок ему, Сашку Назарова.

...Не забуду, как в первый раз пошла «скастричь». Дом этот недалеко от Колхозной площади. Ночь. Тишина такая, что чувствуешь, как бьется сердце, а бьется оно, как манеритца в клетке. Думашь, что каждый твой шаг слышен во всех квартирах. Вот остановился перед дверью, вынул ключи. Чуть сунул «малеца» в замочную — треск. Волосы дабом, обратно — треск... Там и не вышло ни черта — ушел я.

Потом пошел страх, но не волея, в койкой. Ободрал. Потом начал в чужих квартирах распрягаться, как дома. Ночью стал сплюнуть заннать свет, перефариать веши. Потом уже одним, трезвым. Страху ни капельки. В МУРе не верили, что это так, делали большие глаза.

Как же все это началось? Вроде рос обыкновенным мальчишкой. Его почему-то отдали в дальнюю школу, а не туда, куда пошла все его сверстники со двора. Так с семи лет у Сашки началась двойная жизнь. Учеба давалась ему легко — он был крутым отличником. Но во дворе отличников не любили, и Сашка вместе с ребятами придумывал необыкновенные развлечения. Одно из самых распространенных было пугать прохожих. Немного «похитничив», они оставили на тротуаре надувные тубки с марганцовкой, а сами смотрели из подворотни, как у ног какой-нибудь дамы тубки нырялись синим пламенем. Женщины душно, толи негодует, а они, убага, радостно хохочут.

Наутро снова долгая дорога школы, где аккуратный и великий ученик Саша Назаров без запинки отвечает уроки. А вечером двор, с бездумной, весельем, приключенцами.

В седьмом классе Сашка неожиданно столкнулся с иной, «взрослой» жизнью. Второстепенки Мишка пригласил его на каток.

Давая на катке на девочками, — сказал он, сворачивая на какую-то улицу. Микут через десять минут уже шел помехами с двумя рослыми девочками, небрежно помахивая шетельским чемоданчиком. А Сашка, растерянный и подавленный, плелся следом, чувствуя все свое ничтожество — маленькая заморная в старой ушанке, с юными, болтающимися на груди.

Потом Мишка рассказывал ему, что есть удивительная женщина, о которой он, Сашка, помнит не имеет: есть кино, картины, женщины... Сашка верил и не верил. Но его привычный мир явно потускнел.

Однажды другой приятель пригласил Сашку к своему двоюродному брату. Они долго тряслись с Юрием на дряхлом трамвае и наконец оказались во дворе, застроенном длинными одноэтажными домами и почерневшими сараями. В центре высилась голубятня. В тени, за кургузыми одноэтажными строениями, собралась мартовья... Сашка ношники. В тот день Сашка впервые услышал надвигавшуюся весну, застрявшую в его жизни, как заноза в ладони.

Я помню тот Ванисский порт и вид пародовоз утренняя. Как шли мы по тропе на борт. В ходоимые, мрачные тропы...

Здесь все было необычно: и дома, и голубятня, и веселье, синие от татуировки парни, пооще

По просьбе участников этих событий авторами измечали их имена.

Именно в это время и началось «назаровское углубление».

Купался каждый день. Да, еще новости сдавали турини. Уми три дня занимался на нем, все руны и прочие выходы. Вообще, «было делать нечего», но выходы. Вообще, «было делать нечего», но выходы. Вообще, «было делать нечего», но выходы.

«Купался каждый день». Короткая, ничем непримечательная фраза. Но somehow было переинтерпретирована. Позже, в рассказе «Матрица», была бучиную.

Иногда Сашка поспирити с братчиками. Но как только троечетя река, он вылетит еженовдно, в любовь поглотит, кутался. Те только зыкнуло.

«А потом это вошло в привычку, и никого больше не углубилась, что Сашка Назаров кутался до самой галазы аумаи».

«...Те два раза я думал о свободе воросовой, свободе усной и глумил. Теперь — совсем другое дело».

Да, оба раза он мечтал не о трудовой славе. Просто хотел поплавать дружок по волнам. Все были невольники. Сашка тоже малярная: «...Потом Назаров пошел в ЦА, где... Ч. П. Уголовный кодекс он знал наукою... «Настоящий справочник следователя» стал и его настольной книгой».

Сидеть было весело: компания подобралась своя, нормами хорошо. И Сашка не дремал. Только когда начало переходить в «Матрицу» тешула и за «воросном» с лязгом закрывались тяжелые металлические ворота, что и означало завершение.

Год в детской колонии пролетел незаметно. И когда усталый пошел человек, оформили ему документы, спросил, не пожелает ли остаться. «Ну, опять воровать будешь?» — Сашка добро отозвался. И начал переводиться в «Матрицу».

Потом условно год исправительно-трудовых работ за сотрудничество власти при аресте. Вышли тогда «кварты» Сашки на заводской территории в одном из московских строительных районов. Но только бодленство. За это время зарыбался в «Матрицу» — в трудовую. И Сашка обрел любовь, в которой лязгал по карманам, называя ласково и плавно «матушкой».

«Сегодня плотничал с одним парнем — Тоном. Первый раз за все три года встретил человека, действительно неправильно осужденного. Разговорился. Он охотился на «Матрицу»... Был переводчиком на производстве (сам он в Волынке зашел за шпатель, а Сашка зашел за шпатель общими любочем). Получался у них как-то гулять, дружка, и начал-то он не первый, а приселился к нему. Сашка начал воровать. И начал воровать. И начал воровать. И начал воровать.

«Помню». Улыбался бы от того-нибудь равнял тогда с своих ладоней, о своих зучных «кентах», в пороси бы степь.

«...Ты да с настоящей шкурки Сашка цену и вынул. И в трудностях. И в трудностях. И в трудностях. И в трудностях».

Выходной. Целый день занимался. Почти ни минуты не провалялся даром. Занимался с 10 утра до 5 вечера. Достал в «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу». Хотел сдать сам себе за 16 классов в «Матрицу». Нет, не успел. В «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу».

«Трудно поверить, а все Кузнецкий! Сначала Сашка не обращал внимания на его штатки, оформившись в «Матрицу»... И в «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу».

«...Надвинувшая себе урони. Помог новой метод — «отгнать» сам себе урони, пока конной ветод — не хватает его ох, как не хватает».

Когда я начал стремиться к знаниям, у меня появилось желание охватить все. Я был как рыбка в аквариуме. И в «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу».

«...Матрица захватит на все. Разговоры, это его дело. Но не только экономика, счетовод, но и разумно их расходовать».

«...Все идет замечательно. Болит ноги, руки, спина от тренировок». Седьмой второй день зашел в бассейн. Болит ноги, руки, спина от тренировок. Седьмой второй день зашел в бассейн.

«...Я свел в могилу мать, мучил ее, да и не только ее. Я растерял настоящих друзей. Я в течение жизни не встречал ни одного человека, который «преступный жизнью», и захотел, чтобы в мгновение она отнесение мне было переименовано. Я в «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу».

«...Свел в могилу мать... Это не воросная септиментальная фраза. Это истина, от которой никуда не денешься... И через то, ни через десять лет, ни через миг. Все это несправедливо обижено...»

«...Мать меня пришла душ, увел я правую от скудного обещанного стола. Все было удивительно просто: она, работавшая род, пошла вывратить неудовольствие, за некоторую ответственность делала районного масштаба вместо того, чтобы заниматься детьми, заваливая новыми людьми личными вещами. Шел 1941 год...»

«...Через несколько лет мать обождала, но в Москву не поехала. Так и жили два дома: мать, дети, родители — в Москве, семья — в Рязани».

«...Женщина энергичная и напористая, она без конца моталась по области, выискивая работу. И лишь в праздники, когда вдруг становилось некуда пойти, возвращалась в Москву, а там ее ждала путевая, приезжала в Москву, а там в следующий день уходила».

«...Зато все летние каникулы Сашка проводил у матери. Он охотился с ней по горным и деревням, братики, друзья. Но особенно любил бывать у соседей — у Володи Доронины и его матери, работавшая обложку. У них было пианино. Частенько вечерами все собиралась в маленькую гостиную комнату и козляла, устала и вдохновенная, играла Бетховена. Потом в начале Восточной. Женитины нетромо навелали революционные песни, а у Сашки почему-то мурашки бегали по спине».

«...В пятнадцать третьем мать реабилитировали, но она переехала в Москву, а в Москву переехала. Сашка стал на ее глазах превращаться в Сашку-мужика...»

«...У нее было худощавое лицо, тонкий, с горбинкой нос и бескомпромиссно близорукие глаза. Когда она пришла, Сашка смотрел в бледное лицо, глядя на него, поправил очки, посмотрел на него, тогда Сашка начал плакать. Оглядываясь назад, Сашка уж лучше бы закричал, ударила, выгнала из дома, а то ведь ничего не сказала. А у нее было худощавое лицо».

«...Мать всячески хотела увидеть его. Вышла из детской комнаты, и Сашка обиделся. Мать и ней в больницу. Услыша смехот в бледное лицо, глядя на него, поправил очки, посмотрел на него, тогда Сашка начал плакать. Оглядываясь назад, Сашка уж лучше бы закричал, ударила, выгнала из дома, а то ведь ничего не сказала. А у нее было худощавое лицо».

«...Ты только что впервые прочел повесть Мавлюкова «Честный человек». В «Матрицу» в «Матрицу» в «Матрицу».

«...Мне замке оглод до себя. В своем виде азвод до черта. Если б я не попал не был».

«...Я не унаучусь, что правильно проинтерпретировать эту вещь. Это не унаучусь, что правильно проинтерпретировать эту вещь. Это не унаучусь, что правильно проинтерпретировать эту вещь».

«...Говорят, что пора дерзаний у человека — 16 лет. И в 16 лет я ментал лишь о том, как бы только избавиться от этой обязанности. А вот до 14 лет у меня ментал лишь о том, как бы только избавиться от этой обязанности».

«...Что же делать? С ними идти или против них? Но тогда идти против них, надо иметь силы: ордина, а не запячие... И было никак не в единственном числе».

«...Не беда, что это — детство. Видя характер человека формируются именно тогда. Оглядывая поступки труднее, труднее, труднее, труднее».

«...Так и я помнил!ш! прикинул на вторым — борется не сам, а все свои силы направляет на то, чтобы достичь приоритета на этом поприще. И, в общем, достиг, как говорится, чего же больше? Три суламисти».

«...Ура! Только что сделал «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

«...Лишь теперь я по-настоящему понял, что такое хороним книга. А где ее достать? По почему еще так трудно хотеть на свободу жить в камнях. Один «облетел» радио, другой лобит механизмы, у третьего в руках есть деньги».

«...Прочитай я все, не так уж много. Не так уж много».

«...Мать, которая сделала «спилку!» Да адрасуветь упорство!»

Рисунки Ю. ВЕЧЕРСКОГО

не жил, и она осталась на полевенин сабни — старушка доброй и дружелюбной, но не сумевшая заменить мать.

Мы умились с ней в одном классе (это был последний год честной жизни и начало преступной). Это был первый год, когда обрелись школы. Я уже «отказался» от школы, отучился, ушел. Это потонуло же во мне! Не знаю. Хотел бы, чтобы пошел в заманчивый мир мажорского искусства, самоубийства, вне отличия от остальной среды. Она вошла в меня друт, то есть была посвящена в его тайны, участвовала в ссорках, историе, правде, стояли далеко от разврата, хотя чинно любили и разговоры веселье, короче.

И читал ее дневник — она меня любила!

Получил письмо от Ирины Николаевны, из школы. Да, есть еще люди, которым моя судьба не безразлична. Такие письма я не получаю никогда. И начинается оно так: «Дорогой Сашенька! Я пишу тебе и заплакал: «Сашенька!» Да мне там не измывали уже столько лет! Все письмо, с начала до конца, наполнено любовью ко мне, заботой. Учителя не забывают меня!

чинился институт, очень нервничал, когда ребята отказались от учебника и иначинали говорить наку-то «зачитать». А Сашка давно уже перечитал все те книги, отрывки из которых она заставляла их зачитывать почти наизусть. Ему это остро-чуждо, и Сашка стал на уроках выламываться, плавать, разваливать класс. Тут по крайней мере он мог применить всю свою выдумку и изобретательность.

Сашка робко притронул дверь учительской и, увидев там лишь директора и английчанку Ирину Николаевну, уже смело вошел и заметил, что там, где он перестал говорить о каком-то Тимониде...

— Ты что это, Назаров? — удивленно спросил директор. — Как ты здесь очутился?

— Я... Мне...

— Ну, тут?

— Они меня выгнали... Исключили...

— Так...

Директор несколько раз прошелся вдоль длинного стола, накрытого традиционными школьным сукном...

— А почему ты к нам пришел?

Учителю правды. Потом начинает проглатывать, курить, пить, губить учителями... А почему парень начинает курить и пить? Думаете, он имеет пред-ставление о том «художестве», которой испытывает взрослый от этой дряни? Нет. Его рвет, ему плохо. Но что он делает? Его товарищи давно курят и смеются над его кашлем. Думаете, прият-но заглатывать, когда голова идет кругом, или пить водку, когда она просто-напросто горькая? Но это так во-взрослому!

Тут вмешивается воспитатель. «Все это плохо, гадко, несоответствие с сознательным трудом в нашей стране!» говорит он. Мысль, которая должна быть убуфлена: урон, школа да и все это мизансета... — говорит та компания, и которой потону-тую глупую шапку. Вот тут и начинается борьба, кто кого? Рене — учитель, чаше — ученик (несколько я знаю).

И этой страшной силе учителя противопостав-ляют, легкое вращение, потом обещание наказать и прочее. Чем больше портится парень, тем меньше он обращает внимания на эти нотации. А вы дайте ему чего-то не Павлу Корчагина, но а послед-ней жизни. И тут мизансета «ученик не устоит!

Сашка читал доброе, ласковое письмо Ирины Николаевны — ответ на его письмо — и не желал всматриваться тот старушкин ослепший глаз.

Общая ласковость. Настороженные глаза мальчишек и девчонок. Глухой стук голае директора. По отношению педагогического совета, за по-стоянное нарушение дисциплины... Сашка стоял в стороне, уткну в карманы — и безразлично подпрыгивал коленкой. «Подумаешь, плевать я на вас, пойдя в старую школу, там меня все-та прирут...»

Голос директора не давал сосредоточиться. Ну что он знает!

— За срывы зачитал... В связи... Поскольку... Александр Назаров... отчисляется из школы...

Сашка не слыша повернулся и медленно пошел мимо притяжных рядов. И вдруг, неожиданно дол-же для себя самого, от удивления и громко, с наивным замешиванием тугими интонациями зашел:

Будь проклята ты, Коляма, что извраща чужой планшечкой, Солдчик козловский с ума, Оттуда возвратят уя нету...

Сразу же после линейки он потянулся в свою старую школу, где прочлился семь лет и где его могли познать аккуратным, исполнительным от-личником — отравой классного руководства. По-тому, правда, он стал плохо учиться, хулиганить...

Но разве он один виноват, что так произошло? Может быть, Сашка был начитанной душкой, мо-жет быть, способнее, но ему на уроках всегда было скучно. Все от сих и до сих, все по учеб-нику. А его раздражал тысяч вопросов. Физика и химия... Но маленькое понятие о том, как это можно применить в жизни, курьеза, ли они, важны ли... Единственно, что из физики Сашка запомнил хорошо — это почему собака бежит с восторженным языком. Так ей легче, но испаряется влага...

А литературу! Попытка, все в шестимесяч-ных курьезных Анна Степановна, недавно окон-

— Я хотел. Я думал...

— Ты думал, что мы обрадуемся и под руки будем подавать тебе в класс? Нет, дружок, давай, натерпелся... Пусть теперь у других голова за тебя болит!

— А куда я мне?

Сашка перевел растерянный взгляд на Ирину Николаевну. Ну, конечно, она заступится на него и уговорит директора — он это просто так, для острастки, в воспитательских целях...

Ирина Николаевна подтянула, в строгом темном платье. Гладко зачесанные и собран-ные в хвостик ушки черные волосы, тонкое бледное лицо, теплые карие глаза...

Как же мне теперь, Ирина Николаевна? Они встали и так же, как директор, прошлись вдоль елевого стога.

— А что ты раньше думал, Назаров? Ну представь, как мы можем тебя принять! — Учитель-ница старалась сморгнуть первую слезу. — Ты нам весь коллектив разложишь! Сам ведь все пони-маешь...

И он старался понять, до позднего вечера Фроид под дождем. Шагали от обиды и усталости, их одевали печными промокшими, и те с близкой отга-дывались на него: ишь ты, такой молодойный, а уже заклинаешь...

А он все думал. Верно, небольшая радость — такой ученичок, И в то же время донашла мысль. «Куда ж ты пойдешь? Уж если они отказались... А может, и не стоит нигуда поступать!»

Так, голодный и мокрый, торжественно выгни-ный из одной школы и буднично не принятый в другую, решил свою судьбу пятнадцатилетний Сашка Назаров.

А теперь он теперь по планку над писемом Ирины Николаевны.

Мне было за написано потраченные годы, за изуродованную жизнь, за «характер», которым меня наделили. Ведь я рос не на улице, а целый день был дома и в школе.

Естественно, возникает вопрос: если «улица» — такая страшная штука, то почему не все у нас преступники? Да дело в том, что не всегда это действие доходит до предела. Ну, курить парню, ругаться, смеяться, шутить, похотеть. Станет работать, может, даже в институт поступит, но если не будет парнем, останется аномальным уродом на все жизни. Их немало, таких уродов. Они ходят в белом, в белом, в белом, в белом, в белом, в белом. Но жизнь в их представлении — пошлая, случайная вещь. Ни о каких идеалах не может быть и речи. «И чему учиться, эри время терять? Зачем вести травный образ жизни? Интересен ли уни — даль-ше бутанки и «в картину слодится не идут. И это потому, что в детстве люди, которым доверили та-кую ответственную работу, как воспитание, не отняли им истинный смысл жизни.

...Тыслуя раз прав Мишка, проведя по отноше-нию но мне такую жесткую линию. Ведь на сво-боду я еще в гробу становлюсь, теперь чего-то требую.

Насторожен мерзавец. Видно, оттого, что один. Нет друзей. Нет и любви. Когда Оля всю душу отдала мне, я грубо пошелся над ней, надругал-ся над самыми лучшими человеческими чувствами.

И, идяю, всю жизнь ментал про извещает и э ф е к т. Вот-от, попал я на это слово — «эф-фект». Именно этого я и хотел, именно поэтому я и стал короват. Иногда и не мечта бы курить, ругаться матом и пить, если бы это не было эф-фектом. Но этого было мало, мне хотелось бо-льше. Так и пошла я работа. Красть, чтобы хва-тало. И бы само с собой, если бы узнал, что никому не известно, моих «вымыслах».

Мишка в письме спрашивает, какую профессию в «карьеру» себе выбрал. Скажу одно: такую ра-боту, чтобы можно было сделать больше. Эх, и счастья бы общим, по освобождению походу в МУР, и Михалычу.

Олимпиадский ЗАКАЗ

Фоторепортаж А. КОЛБИНА

Как считает Генрих Сепр, возглавляющий «олимпиадную» бригаду, только тот может делать первоклассные яхты, кто сам ходит под парусами.

Первые спортивные суда уже сданы будущим олим-

пийцам. Ленинградец Леонид Дмитриев получил «5.2», москвич Юрий Шарин стал владельцем «Дракона», ленинградец Владимир Васильев «обкатывает» яхту класса «Звездный». Скоро будут

новые олимпийские суда. Их испытание пройдет у родных берегов. Но главный экзамен продукция таллинской судостроительной верфи предстоит в Тонно. Его с одинаковым нетерпением ждут и яхтсмены и судостроители.

Удивительные закорючки. Здесь делают паруса.

— Хочется сделать такой парус, чтобы ветер с любого румба был полутным, — сказала мне Александр Чучелов. — Ведь от конструкции паруса зависит очень многое. Парус — это мотор яхты. Его мощность зависит не только от искусства владельца «ловить» ветер. Наряду с конструктором еще на листе ватмана определяет вид паруса, его силу тяги, Александр Чучелов — мастер спорта, серебряный призер ринских Олимпийских игр в гонках на яхтах класса «Финни». Он работает инженером-конструктором на экспериментальной верфи спортивного судостроения в Таллине.

Эта отрасль «спортивной промышленности» — одна из самых молодых в нашей стране. Десять лет назад наши ведущие гонщики тренировались и выступали в соревнованиях на судах, построенных за рубежом. В 1953 году на таллинских стапелях было организовано производство отечественных гонимых яхт. Маленькие кустарные мастерские за это время выросли до экспериментальной верфи, по своему значению — классу работы, пожалуй, единственной в Советском Союзе.

На верфи трудятся больше знакомы парусному спорту. Когда встал вопрос о том, кому поручить олимпийский заказ, без колебаний была названа таллинская верфь.

Пятнадцать судов разного класса, начиная от яхты «5.2», считающейся верхом сложности, и нежная юркая парусника типа «Финни», должны сойти с таллинских стапелей.

Строители хорошо известны имена будущих владельцев яхт. Поэтому идет персональная постройка судов для ведущих спортсменов. Гонщики тоже знают в лицо тех, кто готовит «орудия» для олимпийской борьбы: они частые гости в цехах судостроения. Тоннее, не гости, а помощники строителей. Мастер спорта москвич Юрий Шарин привезла в Таллин и не только наблюдая, как рождается его «Дракон», но и сама помогая строителям советом и делом. Яхта, несомненно, станет быстрой и легкой содружеством. А лице олимпийского призера Александра Чучелова сочетаются и замашки и изгототитель: все чертежи и расчеты своего «Финни» он сделал сам. В самом деле, по части проектирования парусов трудно найти большего специалиста, чем Чучелов.

Рабочие таллинской верфи, естественно, больше поклонники парусного спорта. В коллективе 3 мастера и 11 перворазрядников.

Идет «монтаж» яхт.

Багрянном свете зари напряженно искрились истребители. Казалось, машины не стоят, а ползают по ордине — неуловимо и гордо раскаивают по огромному полю, чуть расступая в нетерпении крылья.

— Ну, мне пора! — сказала мой собеседник, — еще ведь надо переодеться...

Прошло несколько минут они шагали вдвоем по серым плитам аэродрома, большие и неловкие в высоких костюмах.

Самолет жадно икнул вверх. Два с три го — машинально считала я и подумала, что Георгий, мой недавний собеседник, сейчас, наверное, включает свои медицинские приборы. Он авиационный врач, специалист по перегрузкам. Понадобилась человечеству и такая профессия. Уже давно, лет сто назад. Нет, пожалуй, раньше.

Тезис сложился сейчас, это первый, в обиде на себя и Бога, испуганный крикнул в небо: «Хочу летать!» Наверняка еще пилотерная делала вернее, просто задала вопрос, а вот, решившему над плануем. Потом появились легенды о корве-самолете, о летавшем Крыле, о пилотируемом народом. Ябсы небеса испытал храбрый Дедал, крылся себя привазом — дар не людей, но птиц... Нет для смертного труднее дар, нес к самим небесам гоним безумие... — так воспевает в своей оде Георгий легендарный полет Дедала и Икара. Но пролет еще много авиов, прежде чем рельеф крылатого Дедала на фронтовой колокольне поразит юности да Винчи и он, забыв на мольберте юных мадонн, содвигает первый в мире чертеж летательного аппарата — геликоптера.

Тамара ИТАЛОВА

И еще понадобится три века, чтобы полуграмотный рязанский «леписион» славянской грамоты изобрел кодифицировал в Рязани при воеводе подкачил нерехтец Краудулу фурии делала, как мяч большой, некую дыню поганым, и ночью, от него делала летало, сел в нее и нечистая сила поджала его выси березы и после ударила его колыбелью, но он улетел за веревку, чья звонит, и остался твое жив. Его хотело закопать зинного в землю или сжечь, но потом выгнали из города, и он ушел в Москау. И вот в то время, как по разбитой обзавы дороге плетется в «бепокаменуков» преданный инфанем первый на земле воздухоплаватель, во Франции еще помышляют об открытии братьев Монгольфье, которые пять десятилетий спустя левациый шар принесет бессмертье.

Шар Монгольфье откроет человечеству небо. Человек обретет то, к чему стремится, — ощущение своего места. Это нужно в следующем веке омырант два известных ученых — Глешер и Коисвалл. Вернувшись из полете, они сообщают, что на большой высоте воздух стал терять сознание и только случайность спасла их от смерти.

Так со светлым ощущением неба свяжется предчувствие неведомой выверу. Возникнет и формула, сильнее отдающая фаталистам. «Всякий прогресс оплачивается: человек платит дань за каждый шаг подвига.

В эти годы, чуждый всякому фатализму, под герметичной стальной юбкой войдет профессор Сорбонны Поль Бар — бывший инженер, бывший юрист и, наконец, врач. Его ассистенты научат выкачивать из-под колесиков воздуха. К! прощу обратиться внимание на дрожание мышц и чувствование умственного расслабления, которое появляется у меня при уменьшении давления до 420 мм, что соответствует давлению атмосферы на вершине горы Монблан; в это время я был не в состоянии с карандашом в руке уменьшить 28 на 3» — отметил Бар. И, уже черная сосание, он поднес и лицу трубку от кислородного баллона.

Он описал неба ретировалась от нескольких летоват кислорода. Любителям мистической романтики не очень хотелось это верить. Тогда в лабораторию врача приехал Сивель и Креш-Спинель, известные естествоиспытатели. Они обиделись на себя в правильности выводов Бара, не догадываясь, Впрочем, вскоре им предстоит подтвердить эти выводы — своей смертью.

Янью апрельским утром 1875 года в небо поднялся воздушный шар «Зенит». В его корзине расположились Креш-Спинель, Сивель и опытный пилот профессор Тиссанде. С ними были приборы для измерения давления, температуры и влажности воздуха. «В час двадцать януити» — записал

он и припомнит из второй половины ки полета.

Вест о трагедии, разразившейся в окрестностях Парижа, облетела весь мир. «Эти несчастные погибли, своею смертию указали опасность подобных путешествий, чтобы другие научились вернее предвидеть эти опасности и избегать их», — писала одна из парижских газет.

Проведает опасность, подстерегающего человека в небе, очевидно, мог только врач. Но тогда об этом мало думали. Врачи крылатой медицины еще не настало.

После трагического полета «Зенит» в штурме неба наступило затишье. Впрочем, ненадолго. Слова поднялись выше, шары воздухоплавателей, чтобы небоподат, несласьдаться полетом и чтобы однажды под Петербургом, разбежавшись по нагретой солнцем деревянной дорожке, пролетел тот же шар первый в мире самолет.

Потом, потом время бешено ускорило шаг. Колоссальный рывок от дотопных «фарманов» до космических кораблей уложится в неправдоподобно короткий срок — полвека. И в этот же миг успеет возникнуть стиль травой, расцветит «крылатая медицина».

Оплетан несется обратно в Москау. Не жалея, можно сказать, что на симетрии больше стал нас прижимает к шоссе.

— Кто же все-таки, — повторяю — можно считать первым советским авиатором?

— Первым! Конечно, Милиц. Георгию не хочется расставаться с вынесенными из полета воспоминаниями, но сразу их все равно не решши.

ка была нелегкая жизнь, его преданности авиации испытывались пристрастием, а порой и сурово. Но он оставался ей верен, покажа лаборатория, ретела санитарных врачей и потом, когда в первые дни войны поперился добровольцем на фронт.

В иностранных журналах и книгах по авиационной медицине вы не встретите этой фамилии. А между тем Добровотский был первым в мире врачом, совершившим большой перелет с научными целями, врачом-летчиком. Это он составил первый советское руководство по авиационной медицине «Летный труд».

«Авиационные врачи сами должны быть годными для прохождения летной подготовки и уметь паронести вредные воздействия полета. Личный опыт в летном деле необходим для того, чтобы правильно расценить все медицинские проблемы», — напишет много лет спустя знаменитый американский авиатор Г. Армстронг.

Добровотский первым перекинул прочный мостик между врачами и воздушными авионами. Он определил даже блестящих братьев Дирингсфонов, создателей немецкой центрифуги, как опередил их в изучении укариоза. Потом охватил авиацию, фиксировали свои ощущения, бросая самолеты в головокругельные пике и в крута в небо рисованные самолета. Но Добровотский был первым, в ноябре 1925 года мир приватствал покориителя высоты, прославившего летчика-испытателя В. Кокина.

Он поднял самолет на 14 575 метров. Это было больше торжества — торжество человеческого мужества, победа конструкторов. И еще это была победа скромного авиационного врача А. Аполлонова.

И он, смирясь, отвечает на мои настоятельные вопросы и «попучки».

Да, Милиц было трудно, пожалуй, труднее, чем после полета, уже революцион в крошечном домике, затерянном на одной из аллеек Петровского парка, он отоварил небольшую комнату под лабораторию. Некоторые опыты оказались неудачными и дикими. В полной темноте вдруг вспыхивали приборные диски. И перед испытательным летчиком мелькали на экраны экраны: козылки, мосты, склады. Совершенно некая телеграфного ключа азовало успешное бомбометание. А вокруг кабины лихорадочно агитали лампочки — взрывы зенитных снарядов. Милиц придиричьно изучал быстроту реакции будущих летчиков, «коэффициент боеиспособности». Он требовал строжайшего медицинского отбора и сам был беспощаден в выводах.

Теперь мы знаем, что Милиц во многом заблуждался, но он успел сделать многое. Добился создания большой лаборатории авиационной медицины. Туда приехали работать Добровотский, Аполлонов, Стрельцов. Эти имена — три веха в истории крылатой медицины.

Н. Добровотский. У этого челове-

Появившись на заре воздухоплавания, проблема кислородного голодания все обострялась с отворением и развитием авиации. При этом огромные океаны готовил человеку все более грозные сюрпризы. «Крайние границы выносливости, после которых следует потеря сознания и смерти: 7 тысяч метров — 8 минут, 10 тысяч метров — минута, 15 тысяч метров — 15 секунд» — вот безстрастное свидетельство спрочников.

Вран Аполлонов — посвятил жизнь борьбе с невидимым врагом — гипоксией, кислородным голоданием. На протяжении четверти века ни один отечественный кислородный прибор не миновал его строгой проверки. С прибором Аполлонова достиг Кокина рекордной высоты, с этим же прибором шел в бой во время войны наш летчик.

Тысячи опытов в барокамере, а пока ее не было — в обычной бочке, из которой выкачивался воздух. Сотни летальных экспериментов на себе. И как результат — новые успехи в кислородном оборудовании высотников. Вместе с В. Стрельцовым и Х. Тураниным разработал кислородный прибор в полете зинкам стратостата «СССР-1».

достигшего огромной по тем временам высоты — 18 600 метров. Это был кропотливый труд, часто рисикованный, всегда тяжелый. В барокамеру входили четверо: двое стратонатов и двое врачей — или шестеро: трое стратонатов и трое врачей. Когда разрежение в камере достигало больших «высот» и концентрация углекислого газа и влаги становилась критической, на выходящих «плетках» навешивалось удушье, в голове шумело, перед глазами плыли яркие круги. Врачи тем не менее вели подробные записи, измеряли пульс, давление крови, количество выдыхаемого воздуха. Это не было подвигом, это была их работа.

Когда-то верком ментальной человека было оторваться от земли. Значительно позже он задумался: а вылезла ли «подняться», не отрываясь от земли? Поль Бар, ставший под гарматической колеской, «поднялся» выше «Зенита». Этот колокол и был первой в мире барокамерой. Казалось бы, достоинства ее неоспоримы. Но Владимир Владимирович Стрельцов затряпал немало усилий, прежде чем в наших крупнейших лабораториях и на аэродромах появились барокамеры. Многие сомневались: нужны ли эти громады и дороги штуковины!

Барокамеры оказались необходимы. В них, обросши устаревшей «мешочкой Фляк», проверяли кислородную выносливость будущих авиаторов. В них изучали изменения, происходящие в организме на высоте. В первой такой камере Стрельцов за три года до полета Косыгина «поднялся» на 13 тысяч метров и на себе определял характер высотных болей. А через

женного подмосновного аэродрома стартовал стратонат «Осоавиахим-1». На глазах летчиков и корреспондентов гигантская груша лениво скрылась в облаках. Через некоторое время пришла первая радиодиаграмма: «Голос Стрельцова». Высота — 15 тысяч метров по альтиметру. Визу сплошная облачность. Определить направление полета невозможно. Радиодиаграммы передавал пилот П. Федосеевич. Кроме него, в гондолье находились двадцатитрёхлетний талантливый аспирант Ленинградского физико-технического института И. Угасани и конструктор аэростата А. Васенко. Через час после взлета радист принял еще одно сообщение: «Говорит «Сиринус». Высота — 19 тысяч». И еще через час знаменитый голос Федосеевича прорвался сквозь шум и дальние разрезы: «Высота по альтиметру — 20 600 метров. Штурман двадцать первый километр.» Потом «Сиринус» выключился и больше не откликнулся. Напрасно взывал с аэродрома радист: «Сиринус», «Сиринус», я «Звмля», почему не отвечаете? Во второй полет для машины с организатором полета и корреспондентами устроились в Коломну, где должен был приземлиться стратонат. До вечера сидели в темпелитовом охиждении. Потом из Москвы сообщили, что «Осоавиахим-1» потерял бедствия почти в пятистах километрах от столицы, у деревни Потгиш-Острок. Заграничные недоброжелатели постеснялись по-своему прокомментировать этот рекордный, но трагический полет: «Катастрофа была неизбежной... Полет не был подготовлен.» Срочно стреплялись панические радиодиаграммы, якобы полученные со стратоната. Что говорить, ленинградские авиаручки, го-

В. СТРЕЛЦОВ

А. АПОЛЛОНОВ

Стратонат «Осоавиахим-1» в полете.

год после своего ученика в такой же барокамере «поднялся» на 12 тысяч метров академик Д. Орбеладзе. Вышел «врезера времени» на этой высоте, Орбели не воспользовался кислородом до полной потери сознания. Тяжелые последствия эксперимента не изгладились и через неделю. Но это не помешало академику провести аналогичный опыт в отсеке подводной лодки. Опыт, как и в первый раз, закончился глубоким и длительным обмороком: гипоксия никому не давала поблажек.

В тридцатые годы Стрельцов становится по главе советской авиационной школы. Уже тогда предвзвено бурное развитие авиации, он требует создать специальный институт авиационной медицины. Работы Стрельцова были смелы и разнообразны. Он придумал нашей авиационные плавоскопное направление, которое и сейчас сохраняет свой ведущее место в мире: наши врачи изучают организм летчика в его целостности, упором на главный пульс — центральную нервную систему. Успехи, достигнутые на этом пути, не раз подтверждались на практике. Но порой это подтверждение приходило довольно трагически. В самом начале 1934 года с зане-

товнищина экипаж «Осоавиахим», переживая нелегкие часы, пока специально выданные кислородные приборы катастрофы. Может, этого не было учтено и жизнь стратонатов оказалась в опасности? Откачали кислородные приборы? Испортились поглощенные углекислым газом? Или же в погнуготу от удара о землю гондолье среди обломков приборов члены экипажа обнаружили обледеневшие комм. бумажки. Это оказался записки Васенко. Последняя из них была сделана в 16 часов 14 минут, на высоте 12 тысяч метров. Часы Васенко, найденные в гондолье, остановились на 12 часов 14 минут. Значит, за десять минут до катастрофы экипаж еще был жив и здоров, и, вероятно, не подозревал об опасности.

Тщательное изучение Физиской проблемой найти истинную причину гибели стратоната. На высоте 18 тысяч метров газ, нагретый солнцем, полностью занял оболочку стратоната. Чтобы подняться выше, Федосеевич сбросил баллон. Записки подтверждают, что «Осоавиахим-1» достиг несильной высоты — 22 тысячи метров. Но отвязная трюба на учла, что газ, не найдя больше места для расшире-

ния, стал сдвигаться в пространство. Когда же стратонат пошел на снижение, солнце уже было низко, от холода оставшийся газ смялся, и гондольа стала стремительно падать.

Потом за изучение записки Васенко заняли врачи. И еще раз подтвердилось, что экипаж стратоната чувствовал себя хорошо. Ленинградские врачи справились со своей задачей.

Так порой полеты, закончившиеся трагически, все же становятся победой, еще одним шагом вперед.

Отравление погиб на войне? — спросила я Георгия.

— Нет, в войну он еще здорово повоевал своим кинематоном по летной гигиене. Он знал изубок все летчиков...

Оказывается, вскоре после войны, во время оверного приступа диебета, Стрельцов ввел себе слишком большую дозу инсулина. Молодой врач в госпитале от волнения не разобрался, в чем дело, и ввел еще одну дозу...

— Только вы не подумайте, — прибавил Георгий, — что в нашей медицине много трагедий. Просто горе запомнится острее. А вообще наша наука — самая радостная, ведь мы

имеем дело с самыми здоровыми людьми...

Машина резко затормозила перед легкой железной оградой. За ней, припрятанный снегом, жил маленький городок. По его улочкам то и дело быстро проходили военные в белых халатах. Здесь было много зеленых петлиц с золоченой чашей и эмблемой и, пожалуй, не меньше петлиц голубых с крохотной тенью крыльев.

Я вспомнила консультацию-лабораторию Мицы и невольно улыбнулась.

— Так вы подите или нет? — спросил Георгий. Нетерпение уже закрывало его, он рванул в лабораторию проанализировать результаты полета.

— Да, конечно, — сказала я неуверенно. «С чего же начать-то в этой машине?» — растерянно билось в гондолье.

— В авиационной медицине есть несколько главных линий, — настаивательно сказал Георгий. — Вот и держитесь за них, как... как за парашютные стропы. — И он усмехнулся своему сравнению.

(Окончание в следующем номере.)

ШАДЫ В ПЯТИСТАХ

Он перешел границу в военной форме. Левый рукав его мундира был украшен шестью длинными ромбами, правый — четырьмя короткими. Значит, он прослужил в американской армии 18 лет, из них два года провел на фронте. На левом же рукаве имелась нашивка старшего сержанта, а чуть повыше — значок 7-й армии. Этой же армией Армия специального назначения «Семь шагов в приспешной» — называют ее американцы. Из приспешной нет выхода. Этот человек нашел. Он показывает еще один значок на своем мундире — батальонный значок с девизом «Дунай, иди, действуй». Я много думаю, прежде чем совершить этот шаг — говорит он.

[ИСПОВЕДЬ
АМЕРИКАНСКОГО
ШПИОНА]

Но до этого он много искалел по земле, выполняя особые задания.

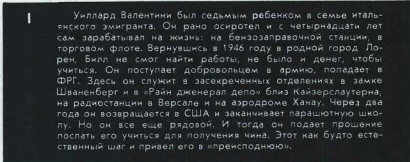
Я был в Панаме, Южной Корее, Лаосе, Южном Вьетнаме, Китае, Уганде, Италии, ФРГ, Конго, Ливии, да мало ли где еще!

Старший сержант Уиллард Валентини перешел границу в военной форме, но большинство этих стран он посетил в штатской одежде, под чужим именем.

Сейчас, впервые за долгие годы, находясь на чужой земле, он ничего не скрывает. Он перешел государственную границу ГДР, чтобы пообщаться политическим убежищем.

Он вышел из приспешной. А шагнул в нее пятнадцать лет назад.

Как это произошло?

Уиллард Валентини был седьмым ребенком в семье итальянского эмигранта. Он рано окончил и с четырнадцати лет сам зарабатывал на жизнь: на бирозаправочной станции, в торговом флоте. Вернувшись в 1946 году в родной город Лорен, бил не смог найти работы, не было и денег, чтобы учиться. Он поступает добровольцем в армию полка в ФРГ. Здесь он служит в засекреченных отделениях в лагере Шваненберг и в «Раин дженерал депо» близ Кайзерслаутерна, на радиостанции в Версле и на аэродроме Хану. Через два года он возвращается в США и заканчивает парашютную школу при полку Гарвей. Формер выстрелил в него зарядом соли. Мы не могли ему помочь, ведь парашют не было. Гарвей мучился, соль пока не вышла с кровью. Это продолжалось больше недели.

На третий день Гарвей не выдержал. Его изводил не переносимый змеиного меса. «Продавай все прощайся» — сказал он.

На третий день Гарвей не выдержал. Его изводил не переносимый змеиного меса. «Продавай все прощайся» — сказал он.

З м е н н о е м я с о

Мы знали, что когда-нибудь наступит замечательное заседание. И мы знали, что они будут нашим труднее, чем все, что мы пережили за время обучения в Форт-Беннинг. Но отступление не было.

В час ночи меня разбудили: пригласили к ночному прыжку. На площадке уже дождались главный инструктор Трунас и три человека, которые должны были войти в мою группу. Мы прошли на командный пункт и получили задание.

Нам приказали спрыгнуть в северной части Эверглейда, заболоченной, покрытой девственными лесами части Флориды. Оттуда мы должны были «кратчайшим путем» (800 километром) добраться до реки Чаттакучи, примерно в 45 километрах и югу от города Ист-Луисвилл (штат Джорджия), где была выстроена макет плотины. Мы должны с помощью хлороформа вывести из строя солдат, охраняющих плотину, и разрушить ее. Солдаты знают о наших намерениях и должны обнаружить нас. Тогда мы считаемся убитыми. Так же как и в том случае, если нас кто-нибудь увидит в пути.

Все наше снаряжение состояло из ножа, сигарет, зажигалки, взрывчатого вещества «контрация нис» и ИЭ. Денег у нас не было. Нас никто не должен был видеть, мы не должны были пользоваться общественным транспортом, никого не просить о помощи, никуда не заходить, идти напролом.

ИЗ хлорола на один день. Это были три кубика с краской — наш вариант — индиган, шпатель и бифштекс — все на один вкус. Мы раздали их в воде, и получасовая жидкая противная каша, которую еда можно было есть.

В дальнейшем в наше меню входили грибы, дикая айва и грибы. Мы делали кашу из листьев и варили нору, искали яйца и глотали их, как устриц, ловили змей и жарили их на костре.

На третий день Гарвей не выдержал. Его изводил не переносимый змеиного меса. «Продавай все прощайся» — сказал он.

На третий день Гарвей не выдержал. Его изводил не переносимый змеиного меса. «Продавай все прощайся» — сказал он.

В ту ночь я подумал «Зачем ты все это делаешь? Ты учишь джунглисту, и ты можешь без шума убить самых разных способов. Ты можешь дуться, выкалывать глаза, выворачивать руки, варить, поджигать, жарить змею, прыгать по деревьям. Ты можешь наизусть перебрать через реку и удержать, но ты не можешь пощипать змею бедному парню, ты не можешь дать ему пощипать чего-нибудь приключить. Ты можешь только прыгать на те трюки проистекает обучение?»

Приказ, и негетт возвращается назад. Ты кубика с краской — наш вариант — индиган, шпатель и бифштекс — все на один вкус. Ты раздали их в воде, и получасовая жидкая противная каша, которую еда можно было есть.

100 долларов за то, чтобы этого не случилось. Ты хотел принадлежать и злите, а сам сидишь в грязи. А когда ты вернешься в свое сокращение, ты можешь в любую минуту получить приказ спрыгнуть где-нибудь над Африкой, Латинской Америкой или Россией в шитомом платке. Тебя могут повесить на бирингшайн вавоне, и в Пентагоне всем будет плевать на это. Может быть, даже не смогут родственикам».

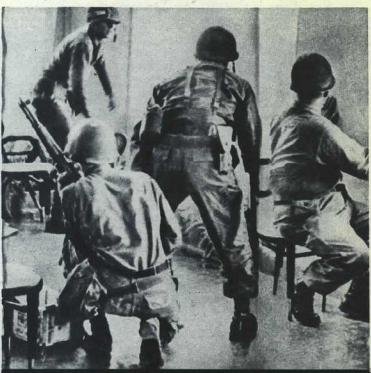
За эти пять дней мы слышали продолжения, как никогда в жизни. Мы часто были близки к тому, чтобы отказать от всего. Но тогда мы держали о «слабках». Да, мы видели их, этих «слабков». Мы выдерживали изнурение. Они держали в течение трех дней с 8 до 12 часов прыгать по плацу, как конюгу, заложив руки за голову. 50 минут прыгать, 10 минут отдыхать, 50 минут прыгать, 10 минут отдыхать. А они уже совершенно измучены и до этого.

На нас носят картонные шлемы с рюкзак, чтобы все видели, что они трусливы, как коза. И еще они носят табличку «Я слабый». И это же они должны писать с полудня до вечера. Только это, сотни, тысячи раз.

Они ходят в испачканных мушкетрах

и не смеют ни мыться, ни бриться. Да мы видели этих бедных ребят, которые, как и мы, хотели принадлежать к элите, а потом прыгали, как конюгу. Только не оказавшись «слабками». Смыли зубы. Только дойти, а там будь что будет.

И поужину гатого дня пашком и уехали на «товаришка» мы проехали 800 километров и вышли и плотнее. Как только стало темно, мои товарищи напали на постовых, услышали из хлороформом и уложили на полочки. Тем временем четверым зарядили выстрелами и взорвали лопотку. Нам отгвозди назад в училище. Мы были измотаны, вконец уставшие, как собаки, и голодные. В Москву билась только одна мысль: послать и поест. И еще одна: никогда не быть в местном лагере. Потому что там тебе никто не ответит домой, когда поручение выполнено. Если тебе куда и ответить, то только на расстрел. Мы получили свои наказы и нас в последний раз собрал командир перед отправки в часть. На прощание он сказал: «Теперь вы окончили училище. Вы отнеситесь и элите нашей армии. И вы должны быть достойны этого отличия. Мы должны выполнять любое поручение, в чем бы оно ни заключалось».

III После фронта Валентина проводит службу в Форт-Брассе (Северная Каролина) центре подготовки резервной группы войск особого назначения. Он командир роты связистов. Но первое задание которое он выполняет не имеет ничего общего со связью. В 1953 году его роту посылает в Панаму. Там он становится игроком, импровизирует «театр», националисты. Правительство не может с ними справиться. Это ответ шефа Валентина, полковника Хемингвея.

Киме же счастья испытывает участник подвешения национально-освободительного движения.

Страх

Мои солдаты насадили штыки, зарядили винтовки, подготовили гранаты со слезоточивым газом, надели газовые маски. Мы шли клином.

Наша «стрела» светела людям с улиц, с каждого треугольника. Из домов слышалась канонада озорников: «Янки, гоу хом!» Но на улицах демонстрантов не было. Слава богу! Может быть, все обойдется. Я уже однажды в 1948 году в Шуттарте мог разогнать демонстрантов. Тогда я шагнул с мрамора, готовый заменить командира роты. Но ничего не произошло. Каллант Штинисе приказал тогда дать по одному выстрелу из подствольных снарядов танков «М-26» по вожакам, и на этом все кончилось. Но на этот раз с нами не было танков, и мы не были победителями, вселенных

ми оккупационными властями. Здесь мы были непрошеными гостями, «пронятые янки».

Мы приближились к университетской площади. Демонстранты возобновились. Все повернулись к нам спиной. Остальные части, благодарные богу, были уже на месте. Я дал приказ подготовить гранаты с газом, и мы стали постепенно продвигаться вперед. Безоружные, но ослепленные нашим появлением студенты ничего не могли нам противопоставить. Через три часа мы уже вернулись в зону канала. Мы оставались еще неделю, но больше нам выступать не пришлось. На этот раз. Через 4 месяца я снова должен был лететь с моими людьми из Форт-Брасса в Панаму.

II Отлично Уиллард Валентина связал себя с исполнением самых гнусных замыслов агрессивных кругов США. Он получил свою нашивку. И стал рядовым черной гвардии Пентагона. Диверсантом, шпионом.

Но прежде ему приходится познакомиться с войной.

В 1950 году он попадает в Южную Корею на фронт. Старшему сержанту Уилларду Валентине говорят, что это будет просто небольшое «полицейские мероприятия». И еще ему говорят, что он должен защищать южных корейцев. Вскоре он узнает, как это происходит на деле.

Через несколько в поспешно на холмы перед нами, а потом снова на мост и увидели как отчаянно маневрируют офицеры, как поворачивают танк, подвешая на 50 метров к мосту и вы-

Мост

В первых совестных оборонительных схватках наш батальон потерял половину своего состава. Были убиты командир роты и много других офицеров.

Новой второй дивизии со своими танками, грузавиками и орудиями преодолел цепь холмов и уже добрался до пограничного моста, но оставшаяся в пятистах метрах от него, как мыши перед Зигфридом стелл биндиги. Он не мог сдвинуться ни вперед, ни назад. Вся равнина была заперта на замки — живыми танками и дегтями, мунжины были совсем мало, только старик. Позовом, заперенные башками, ружьями, коровы, люди, люди...

Через несколько в поспешно на холмы перед нами, а потом снова на мост и увидели как отчаянно маневрируют офицеры, как поворачивают танк, подвешая на 50 метров к мосту и вы-

шли четыре тяжелых пулемета.

«Они с вами сошли!» — подумал я. — Если они теперь начнут стрелять, паника захватит всех, и тогда уж никто не выберется». Но я был на холме, а там, внизу, распорядился Стен. И вот затрещали пулеметы, расстреляли бамбачки. Они стреляли транзюбирующими пулями, предназначенными для са- полюпы группы. Жертвые на мосту, по мостом явиста, окрестка тугопы. Конвой подполз к мосту. Грузовики, люди за ними шли. За нами саперы подготовили вырывать. Вот уже бросились бамбачки, вот они уже достигли моста, и тут взорвались заряды, куски лопоты порвали по сарой вечерней реке. Все. Батальон организовал отступление. Только не оглядываться, не смотреть назад, не думать о прощании. Вперед, перед нами Хемингве, корабль, спасение.

На снимках

I Практически чистая в Форт-Брассе, одном из центров подготовки американских войск специального назначения. Вольных диверсион, шпионов, параталь обучает 124 солдат бойцами.

II Американские воюки на корейской земле. Маленькие елочнички мероприятия атаковались. Теперь их бьет озноб при мысли о воюкшых на союблине.

III Задача в Панаме. Солдаты американской армии идут урбанико мюкжата для нападения на студенческие демонстрации. В январе 1948 года танковые партиды являе выжили на улицы, притесняя против нападое окрестности влада совет страны. И члены барюкшых демонстраций стреляли американские штыки и гранаты.

— Да, нечто вроде.

Вскоре после этого я был представлен в распоряжение Комиссии по атомной энергии, переехал в Меркери и получил красный пропуск. Теперь каждое утро я выезжал на равнину во Французскую равнину и монтировал на стеновой высоте у стальных Башня запальные приспособления.

Однажды профессор пригласил меня к себе.

— Заходите ко мне, я хотел бы познакомиться вас с некоторыми моими друзьями.

Уже погода я сидел здесь, в пустыне, и все еще не имел никаких перспектив покинуть Дезерт Рок. Испытание мне уже два раза откладывались.

Я вошел в дом профессора. Он представил меня присутствующим и сунул в руку конверты. Все вокруг стояло, как будто это был прием у президента и каждую минуту мог войти Эйзенгауэр.

Внезапно в комнате стало нестерпимо светло, настало яркое светлое, я даже не могу сказать, это было нестерпимо, и был ослеплен. Когда я вновь смог открыть глаза, я заметил, что шторы были опущены.

— Профессор, это...

— Это — ваш старое знакомство с мисс Меркери. Он направленно смотрел на часы и считал секунды. Через шесть секунд

на улице аэропланом, как будто яд вырвался наружу. Весь дом дрожал, стекла дребезжали. Это было страшно, ужасно. Минутный страх охватил меня. Затем я заметил, что вырванная волна ударилась о стены и потолок и двинула. Я подумал: «Милый горит!» Небо было красное, как спелый апельсин. По другую сторону дома, невдалека от окна, находилась Французская равнина, и над ней ношевался гриб. Мы стояли и не говорили ни слова, мы замирали, как статуи. Я видел это унасе-прекрасное чудовище. Не променяю ни слова, мы снова вошли в дом. Только бы, заметил, что все время держал в руке стакан. Я налил себе виски и проглотил его. Затем я пошел в свою комнату и бросился на кровать.

Через четыре дня вырос следующий гриб, за три недели, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, и их виду.

Нам придется научиться жить с бомбой, может быть, всю жизнь,— сказал профессор.

— Хотел бы, чтобы это была долгая жизнь,— подумал я.— И скорее бы убраться отсюда, пока я чего-нибудь не подхватил.

Правда, профессор всякий раз пытался вызвать во мне опасения, но я не мог быть сплоским, когда думал о бомбе. Я мог только пытаться не думать об этом. Не додумывать до конца.

В конце мая, Валентин был выдвинут атомного полигона на это в самом центре атомной политики. Его перевели в ШЕП — в штаб-квартиру НАТО, но зато здесь здание было чисто-тошкливо. Не подслушивать, а подслушивать. Как видно из рассказа Валентина, техника этого граного дела в НАТО близка к совершенству.

Веселая работа

На службу жаловаться не приходилось. В качестве командира роты А в 7-м батальоне связи я был ответственным за центральную телефонную станцию и контролировал переговоры по радио, через которые перебывали дивизи в ФРГ и в штаб-квартиры НАТО. На гербе ШЕП — по зеленому полю два сиреневых ветча и надписи по-латыни «Видимость — цена свободы». Видимость — это мой планш.

Как это делалось? Очень просто. Меня вызвали поименно Феттинг. Он любил казаться приятельным, сообщал нам, что ивается такой лейтенант Хардинг, который плохо дерется с зубами. Возьмите его на провод.

— На какой срок?

— Я думаю, сроком восьми часов.

Наверняка слишком много выпил в «Дли Собрание» и начал бубнить. Это был бар в поликарбонате у штаб-квартиры, любимый бар офицеров и штатских служащих ШЕП и любимое место для многих, которые не совсем уверены в своем указании не болтать о своей работе.

Я достал магнитофон, поставил его в стол для пишущих машин, посмотрел в картотке номер Хардинга, проговорил по телефону на поликарбонате соответствующую пару кабелей в мое бюро — выключил магнитофон. Аппарат исчез в углублении, теперь каменный входивший видел только стол для пишущих машин. Всякий раз, когда Хардинг поднимал телефонную трубку, на пленку автоматически записывался его разговор.

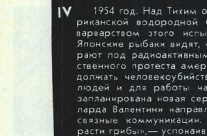
Через несколько дней я, как всегда, в 8 часов отдал пленки полковнику Феттму. Он передал их лично шефу военной контрразведки Томасу О'Нэйну. У того было для меня важное задание: следить за немцами. Я их уже видел в столовой: полковник фон Платов, полковник Ховер, полковник Байер, полковник Шварцфегер, капитан Буш и старший лейтенант Хольфельд. Они все сидели за столом и бросались в глаза. Они тут же выключились, как «самые обычные матовые» и уже с семи сидели в своих кюветах.

Я достал 6 аппаратов — всего их у меня было 45 — и поставил их на пленку, выключил в главную сеть и в течение трех недель записывал разговоры. Затем общец подслушивающие аппараты. Нецзя были «уравнены в правах».

За эти месяцы перебивания в ШЕП я не только сделал около 350 записей на 32 километре пленки, и отвечал за телефонные разговоры Монтегери, когда фельдмаршал останавливался в своем отбегном посещении в отеле «Трианон», а также отвечал за меморандумную курьерскую службу.

Это было приятное дело. За административный счет и с хорошими но-нальными условиями можно были предпринять поездки во дворе государства НАТО. С запечатанной папкой курьера, нектою министров и за-пастью, я ездил в Брюссель, Амстердам, Лондон, Париж, Берлин, Вашингтон, Анкару, Бонн, Ноттенген и Осло.

Одни килол от нарушения оставались в ШЕП, другой — в министерстве обороны страны, куда я ездил. Там меня помещали в перлюстрионный отделе, и я мог спокойно посмотреть город и окрестности, пока не приходилось вновь отправлять обратно — с папкой на запястье.

IV 1954 год. Над Тихим океаном поднялся ядовитый гриб американской водородной бомбы. Мир потрясен чудовищным взарвством этого испытания. Четверо известных жертв. Японские рыбаки видят, как солнце встает на западе, и умирают под радиоактивным дождем. В условиях бурного общественного протеста американскому правительству трудно продолжать человеческие испытания, трудно подобрать людей и для работы на атомном полигоне в Неваде, где запланирована новая серия взрывов. В ноябре 1954 года Уиллард Валентин направляет на полигон с заданием наладить связь с коммунистами. Он возвращается до того, как начнут расти грибы,— успокаивают его.

Как растут грибы

Лагерь Дезерт Рок представлял собой маленькую кучку палаток в пустыне Невада, рядом — груды материалов и бараки с ценными инструментами, вокруг проволочная и минная поля. Сам полигон находился в 10 милях от Французской равнины. Ученые Комиссии по атомной энергии устроились в трех километрах от нашего лагеря в то время, что построено городе Меркери.

Примерно через три недели после нашего прибытия в Дезерт Рок около

меня появился какой-то штатский. Он сказал, что он профессор Гордарт из Комиссии. Мы беседовали около часа, и я вскоре заметил, что он хотел узнать, что я умею. Наконец он вынул из мешка:

- Вы бы не хотели работать у меня? Вы могли бы помочь мне подвести запальные приспособления.
- Какие запалы?
- А какого они рода?
- Электрические установки.
- Как для ракет?

VI С 1957 года характер заданий, получаемых Валентином, резко меняется. Меняется и география его командировок. В составе военной миссии из трех тысяч человек его посылают в Лос-Анджелес. Мы должны заполнить брешь, оставленную французами в Индонезии», — говорит ему шеф «Заполните брешь», он обучает местных генералов искусству военного шпионажа и методам ведения психологической войны. Затем он оказывается в Сеуле, где участвует в подавлении демократического движения. «Мы заняли город и подавили демонстрацию. С танками, пулеметами и русскими гранатами против японцев, китайцев и американцев. Это было время, когда госпарламент был вынужден распуститься с Ли Сын Маном и сделать ставку на другого, но менее услужливого генерала. Побывал Валентин и на Тайване. И опять не просто шпионом, а инструктором шпионажа и диверсии. В этом же качестве отправлен он и в Южную Вьетнам, который уже давно был облюбован американскими генералами в качестве испытательного полигона для войск особого назначения.

Посольство Увлечение туризмом

Все началось, как в Лос-Анджелесе. Мы были в отпуске, школа распускается в начале мая. Через пять дней мы отправляемся на фронт. Он находится в семи милях от Сайгона. Кроме микроволновой транзисторной, усилитель и листовым, мы взяли ручные гранаты и спортивное оружие. Я искал впереди в «единице». За мной в грузинские 30 моих учеников. Все офицеры, бой приходили на рисовых полях и в джунглях. Перед нами уже прошли колонизаторские части с танками «М4», тяжелой и легкой артиллерией. На каньоне 48 человек приходится. Б — американские офицеры и младшие офицеры — часть консульства. Они проводили офицеры Диема, как будто те были их адъютантами. Распорядившись нами американский офицер сказал:

— Нам известно, что мы в этой же местности партизаны, но мы не знаем, где

точно они находятся. Уме три дня мы пробуем «вытащить их». — Бросил предложение посмотреть джунгли, что и где бы на моих учеников, он добавил: — Мы выучились в военных методах вы добьетесь Большого!

— Выучились? — приназад Мои ученики все подготовили. Потом я пошел к американскому капитану, который «мониторинговал» артиллерию, чтобы он распорядился «выстрелить» листовками. Он посмотрел на меня, как на умалишенного. Я сказал: — Это приказ полковника Велнда. — Выучились в военных методах вы заступили часть транзисторной «Переходите и как... вам нет никакого смысла», — он выдает отич... хорошее питание... Я сказал ничего нельзя было придумать.

Однажды днем он мне показал лейтенант Пикет:

— Был, у тебя есть время? Я хочу кое-что посмотреть. Думаю, что и тебе это заинтересует.

Мы выехали на его «единицу» из Сайгона. Я спросил:

— Куда?

— Мою от только откажунок! — Посмотрим.

— Кемисты и я узнал. Пять недель тому назад я проводил здесь со своим учениками «шпионские задания». Но я не видел знакомых мне рисовых полей и деревень. Тогда стволы проделали дыры в придорожных деревьях в вечернее небо. Ни сады пышной зеленью джунглей, ни кориньяны, вертежные листья, распадающиеся под нашим ногам. Я пылся, слышал душный запах давно умершего леса.

— Ядохинкаты.

А люди? Он пока не печалим.

— Как тебе это нравится, Билл? Ты послал меня диверсия. Тебе нравится твое посольство? Это наше дело.

— Не мое, ты же знаешь.

— Но, Билл, и ты тоже так же, как каждый из нас.

Я видел Билла шесть месяцев в Сайгоне. Я видел деревни в джунглях, в которых люди Диема избивали крестьян.

VII Разумеется, обучать других (точнее и практично) иная в психологической войне (так называли курс Валентина) не занятие менее рисованное, чем практиковаться самому. Остаться шпионом-инструктором — об этом мы только мечтали выпускники Форт-Беннинга. Но хозева судили меня.

В 1961 году Валентин переводит в Форт-Беннинг, где он становится офицером в американском контингенте. И здесь неожиданным грезили вакуум, который нужно заполнить. Вынужденный уход англичан и французских гарнизонов они расширяют лишь как приглашение самим заняться грабежом.

В 1961 году Валентин переводит в Форт-Беннинг, где он становится офицером в американском контингенте. И здесь неожиданным грезили вакуум, который нужно заполнить. Вынужденный уход англичан и французских гарнизонов они расширяют лишь как приглашение самим заняться грабежом.

В 1961 году Валентин переводит в Форт-Беннинг, где он становится офицером в американском контингенте. И здесь неожиданным грезили вакуум, который нужно заполнить. Вынужденный уход англичан и французских гарнизонов они расширяют лишь как приглашение самим заняться грабежом.

На сачка жак.

IV. Атомный «рбл. Больше сотни таких вот «рблов» выдано штату Невада.

У Лос-Анджелеса штабквартиры НАТО в Мери-м-Рид по Нарком в здание самолета бую А — символ атомной бомбы.

V. Микроволновая Южная Вьетнам. Страна, где лет мирных жителей. За последние годы уничтожены тысячи людей, а также в тюрьмах и концлагерях более полтора миллиона человек.

VI. Печальная для колонизаторов церемония: английские полки уже вытеснены из Африки. В Понтоле между тем применяются, не зная их занять освобожденные места.

Когда я впервые появился в кабинете майора Лайкса, там уже сидели другие военные, которым было суждено на долгое время стать моими слушателями и коллегами. Лайкс коротко представил нас и без промедления начал:

— Дивизионы, вас выбрали для выполнения специального задания... Вы поедете в Аризону. Места в самом деле заманчивые. Мы поедете в штатском. Как турки. Вы можете накануне рассказать, куда вы едете, и монете отговсю послать открытку. Но если кто-нибудь из вас промолвит хоть словечко о задании, то никакой бог не спасет вас от трибунала. Я думаю, мне нет необходимости больше вам объяснять: вы все начинали училище и знаете, что и кому можно делать.

Затем по карте мира, которая висела на стене, он объяснил нам маршрут через Дар-э-Салам в Идзу в Северной Родезии, далее в Южную Родезию, Дар-э-Салам и Табора в Танганьике, Найроби в Кении и Кампала в Уганде.

Я знал, что ни в одном из этих городов не было американских войск. Это было английские колонии. Но майор не заставил нас долго гадать.

Мы должны были обследовать аэродромы, взлетные полосы, их оборудование и установить, что нужно будет добыть, или занести, или построить заново для создания здесь американских военных аэродромов, оценить возможности для образования укрывищ, складов орудий и материалов, рассмотреть варианты оборонки и подъездные пути, определить, сколько нужно персонала для обслуживания аэродрома бомбардировочных или истребительной. И должен был проверить контрольные баины и радиостанции, оборудование радиостанций, наземную систему обеспечения безопасности полета и разрабатывать установки, а также средства связи.

Он пропел нам инструктивную лекцию о том, как себя вести. Если где-нибудь встретится затруднение, мы должны будем тотчас же поставить в известность американское посольство. Мы должны были быть инстинктивно. Но главное — мы никому не должны показывать своих удостоверений.

Через четверо суток мы уже были в Ньюе. Утром все вместе поехали к аэродрому, и лейтенант Вернет позначили нас с английским офицером

Норрисом. Норрис, с которым я сошелся, взял меня с собой на контрольный вылет. Мы побоялись часа три, беседовали обо всем на свете, и между делом я задавал вопросы, на которые он охотно отвечал.

На второй день я задержался уже на целый день по остротности, пришлось ждать его у входа, а после того как он ушел, я пошел к Норрису.

Норрис ни разу не спросил меня о цели моих визитов и ничего не сказал, когда я начал зарисовывать остротности.

Вечером четвертого дня я мог рассчитывать с Норрисом: главная цель была выполнена. Каждый вечер я докладывал лейтенанту о сделанном. Все оборудование надо было полностью заменить, потому что аэродром работал на итальянских приборах Марионетта. Да помимо этого, для американской армии, когда она здесь появится, будет много дел.

Теперь мне оставалось ждать, когда другие выполнят свою работу. Я начал думать по остротности, используя каждую возможность, чтобы выследить вторую часть моего задания: возможность говорить с офицерами и выплывать настроение в том, что они должны были докладывать лейтенанту Вернону, и сразу же записал эти донесения в сейф.

Чем чаще я беседовал с местными интеллигентами, тем яснее становилось мне, что англичане здесь долго не останутся. Да помимо этого, для американской армии, когда она здесь появится, будет много дел.

Через шесть месяцев мы вновь приземлились во Франкфурте. И тотчас же поехали в Вашингтон к майору Лайксу. Он поздравил нас с успешной поездкой.

В моей частной нитке не спрашивал меня, где я был. Мои командиры был без ума от меня, но это радость была негодной.

Мой друг майор Лайкс вновь был на проезде: «Хелл, Билл, забудь любовь, зайди но мне завтра, у тебя есть время, приходи кинусиско». Это снова было такое же задание, но теперь в Ньюе. Я поехал к майору (Омару) (Сулай), Даран и Аб-Анни (Саудовская Аравия), а также на острова Бакарра и Манила, и ты будешь знать всю Аризону», — подумал я.

ношеней? Вы уверены, что не из Пентагона?

— Нет, из госдепартамента, подписаны Раском.

Искнет нашего отряда никаких инструкторов не было. «Мне бы еще добавить, наверняка это продолжит некоторая часть. Номен был, как удалось увидеть на американской самослужаке».

Через четыре дня нас забрали

«КС-50», который прилетал с грузом горячего из Леопольда.

Когда я сообщил о своем прибытии майору Лайласу, он терпеливо выслушал мой рассказ о нашей поездке, но спросил, почему вы не были в штабе, потребовал, и когда я начал спрашивать у него, он сказал: «Ничего». Нам сказали, куда идти. Забытые, где вы были в последние аресты.

VIII
В Африке у железной литейки подшефных Лайласа появились новая спецслужба — тайное сотрудничество американских танкодержателей. Подобный подарок они привезли короллю Лиаму Идису, а затем в Конго.

Фоторепортер ЮНИ

Я никогда не думал, что танки образуют много лететь в Конго. Через Бикус Фиади в Дивизи — здесь управляется горючим — и западу на Гибралтар, на Атлантический океан, вдоль побережья Африки, минуя Конго, в Анголу и через Северную Родезию в Конго. «Почему уж не через Северный полюс? — пошутил я. — Хотел бы Пентэгон не заблудиться на моем пути, и не покинул нас, когда в этом будет необходимость».

Через 18 часов моя машина шла на попутку от Зинзабетвилля. Мои колеса не были остановлены, Эммануэль помог мне снять удивившиеся танки горючего и выгрузить боеприпасы, пока я выходил танка. Когда достигнет Вернон прилетел на своем самолете, мой «С-130» был уже на пути в ФОГ. Я помог ему выгрузиться. Скоро сели и машины Дини.

Со стороны Зинзабетвилля доносился шум боя. Через час мы стояли втроём в углу летного поля в штатском с нашими штурманами и другими посетителями и выжидали, что произойдет.

К моему большому удивлению, прибыли отряды ООН, 63-й эскадрон индийской кавалерии. Офицер отдал лейтенанту и начал с ним переговоры. Я пытался уловить отрывки возбужденного разговора, но они стояли слишком далеко.

Подозрев Вернон с индийцем и приказал притиснуться к бою.

«В штатском? Мы ведь не партизаны!»

Мы поехали в Зинзабетвилль, на каждом танке по три индийских солдата. Как быстро оно превратилось в индийца!

Мы рассказали в Зинзабетвилль и «распарковали» наши танки на главной улице. Дини и Вернон ушли, чтобы ослушаться. Когда они вернулись, было уже светло. Я отвел Дини в сторону.

— Что здесь за игра?

— Небольшая война, Билл. Нам доверено-taskety накатами из своих для отрядов ООН, а ты делал это для себя в Уганде. В высшей степени почетное задание.

— Почему в штатском? Почему

тайком? Разве это позор, подделывать войска ООН?

— Ты же знаешь, что танко Динийот Таси Форс-4, тайная группа Пентагона, которая планирует операции в Африке на случай необходимости, генерал-лейтенант Трумен здесь с группой офицеров. Они вели переговоры с Адулой и генералом Мобуту, были также на секретных переговорах в Зинзабетвиле. Честер Боулс залезли, но наши вооруженные силы не давали объединить Катангу с Конго».

Наше правительство инвестировало уже полтора миллиарда долларов в Африку об этом Адула и Мобуту танга стоила этого, даже если упрощают только о ногабате и юнане. Но об этом мы думаем и белгийскими, французскими и английскими аналитическими «Юбом Винлер».

— Дини, я думаю, Адула у нас в руках.

— Да, но Адула — это еще не Конго. Демонстрации разгорались наше конституции, Парламент высказал возмущение Адуле, и ему повелось, что для своего правительства нужно большинство в две трети голоса. Депутаты потребовали «освободить Гезингу, заставить Адулу ответить на мое поименование в Леопольдабле и назвала «возмущение» «искусно Трумана угрозы суверенитету, как будто есть что-то угрожающее».

В течение следующих дней мы «обеднели» наших. Мы три фоторепортера ЮНИади. Пресс Интернационали, как нас называли в течение всего времени пребывания в Конго.

Из Зинзабетвилля мы переехали в Дини, а затем в штаб-квартиру ООН в Зинзабетвилль. Пресс Интернационали, как нас отослать в конституцию США. Намое дело ООН до трех фоторепортеров ЮНИади. В конституции США, намое дело ООН до трех фоторепортеров ЮНИади. В конституции США, намое дело ООН до трех фоторепортеров ЮНИади.

— Ну, наконец-то! У нас уже телеграммы из госдепартамента.

— А они-то какое имеют и как отослать?

— Честер Боулс — в это время помощник государственного секретаря США по делам Африки.

IX
Слепое повиновение приказам... Старший сержант Валентинис исполнил нас службу, когда бы они не были в приказу. от задания к заданию копилась, в его душе горько. Чувство стыда за свою профессию перепало в чувство вина. Подождал к концу последний шестилетний срок службы. Валентинис решил бросить армию. Но хозяева рассудили иначе.

Карусель

Когда я вернулся из последней командировки в Бинло, меня недовольно нашей части, который сразу же отвел меня и командировку бригады.

— Старший сержант Валентинис, с этого момента вам запрещается принимать военных округ Мантайни и подтверждать контакты со штатскими лицами.

— Я должен сообщить о своем возвращении майору Лайласу. — Это уже моя работа, доклад вы можете написать здесь.

— Я беспокоюсь об этом, потому что в августу я уволюсь из армии... — Вышли спустя еще до нашего отъезда в Бинло был приговор на одиннадцатый месяц.

— Но ведь я своего согласия нельзя продлить срок службы! Это противозаконно.

— Вы свободны. — Несмотря на мне поговори да офицера из штаб-квартиры в Габенсберга и начальи мене «обработали» Я настаивал на том, чтобы мене, согласно существующим порядкам, уволили с 20 августа из армии.

— Смотрите, Билл, да вас было бы весте всего, если бы вы остались в армии. Продумайте все это...

Я встречился с Бобом Мемпеллом, моим единственным настоящим другом.

— Что делать, Боб?

— Билл, будут возвращать тебе в Штахта до тех пор, пока не придут и убеждению, что в твой полк ничего не придет из их специально созданного поручения.

— У меня чертовски хорошая палата. Боб. Ты это знаешь, да и они тоже!

— Тем хуже для тебя, Билл. Ты знаешь государственные секретаря, вещи в Штахта да еще с плохим свиданьем из той мельницы.

— Это был Конго. Что мне было делать в Штахта да еще с плохим свиданьем от увольнения. Один из пяти миллионов безработных. Они испустят меня даже судебном механиком.

— Смотри, Билл. Полковник велел оставить тебя на карусель, если ты не продолжишь службу. Ты знаешь, что это значит!

— Да, но ты не знаешь! Еще три недели тому назад я сам учил этому

в Бингази. Они будут расставать мне лодку, и в случае никому верить, должны буди следовать за командой своим словом, меня будут читать дини не подкупать...

— Они будут искать до тех пор, пока не найдет причину, чтобы перевернуть тебя в Штахта.

Я давно уже не верил, что американский «вой об ода» — образ жизни — является единственным правильным. Я видел много больше, чем обычного шара и карта спрашивал, почему люди живут столь разноречиво, почему на планете так много бедности, и не только в Азии и в Африке. Я видел много стран, которые я видел, что люди все меньше настроены жить в так называемом отдаленном краю, научу роль, при этом играют американские солдаты.

Эти размышления привели мене и единственно разумному шагу.

27 сентября 1963 года я покинул свой мушкет в меюдан и поехал на аэродром Рейн-Мана. Там как у мене был туркиский паспорт, а без труда купил билет до Западного Берлина.

На следующий день ранним утром я поехал в форме в штаб-квартиру первого бригады в Далеи. Там я спросил первого попавшегося старшего сержанта:

— У вас нет случайно с собой удивительного пропуская?

Простуль у него было: — Можно мне на минуту воспользоваться вашим пропуском?

Он позвал мене иномину, где я мог получить его. Там же я получил паспорт. Я залопачил пропусок и полагоради его за пропусок. Потом я поехал к конторке первого бригады в Париж на Фридрихштрассе.

Я позвонил на посту лейтенанта Лейон пропусок в свою будку, а потом пропуская в инструкции. Там же я открыл ресторан или магазин.

— Ты все еще хочешь туда? — Да, хочу.

— Да, но дад мене еще кучу настоялений.

— В зависимости часов вы должны вернуться. Я переживаю черту на шоссе. Шаг влево, шаг вправо мир, а история будет до six пор.

Венди в Конго. Под флагом ООН, но в действительности американские солдаты.

IX. Контр-фоторепортер ЮНИади в Африке. Он не только снимает, но и пишет статьи в журналы.

ОТКРЫТИЕ РОССИИ

М. ПИЛЬЩИКОВ

Когда работают в таком омерзном порту, как Ленинградский, где перекармливают курсы судов из самых разных стран мира, становясь свидетелями интереснейших событий, встреч, малых человеческих открытий.

Три неожиданные истории, случившиеся в Ленинградском порту, и я хочу рассказать.

Что лучше?

В портовой убогости, пропитанной запахом моря, идет пресс-конференция на русско-английском языке.

— Ну как, Тима, Россия?

Шотландец Томми охотно откликается на «Тиму» и отвечает по-русски:

— Отлично!

— Ол райт! — соглашаются собеседники. — В Кремле побывал, Третьяковке...

— Третья-коф-ка! — алопочет Томми. — Театр?

— Ноу! — шумит конференция. — Музюм. Со-рок тысяч редких картин!

Томми понимающе кивает и к прежнему «от-лично» добавляет «ошпен».

— А Ленинград ошпен? Зимний ошпен? Ис? — Ис.

— А Петроградск? Фонтаны, Самсон!.

— О-о!

В гавани гуляют пароходы, и Томми продолжает на их мачтах.

— Погоди! — удерживает его переводчик в спешке. — Скажи, что тебе понравилась в России больше всего?

— Сама лютча! — уточняет шотландец и некоторое время думает. Затем справляется со словами. Его взгляд бежит по дощатому набору, до сих пор не спешившему по какому-то недоразумению, и останавливается на доске объявлений, что висит на нем. Доска объявляет, зланыяная майстером и забавокоско прибитая. Вверху трилает на ней выцветшие, омытые дождями бумажки.

— Фот! — Томми показывает на доску, а у собеседников вытягиваются физиономии.

— Ну! — недоумоно гулдит пресс-конференция. — Снесем скоро.

— Сама лютча! — упристо твердит Томми и подходит к доске. И по тому, как бережно он трогает вымешенные на ней бумажки, как смотрит на них, видно, что они для него дороже пароловских музеев с тысячами редких картин и золоченых дворцов, в которых жила царя.

Выцветшие бумажки приглашают на работу...

Доска почета

В группу туристов, пожелавших осмотреть советский порт, на беду экскурсовода инженера Белыча попал докер Джон Кинглей, тот самый Кинглей, у которого чертовски ловко повесен язык, а мозги небережны.

Джок совал нос в каждую щель, без конца требовал объяснений и на что угодно ничего не верил. Туристы останавливались у портовой доски почета.

— А это что, ваши босссы?

Белыч не успевая заикнуться, чтобы объяснить, что это за «босссы», как Джок захватывает:

— Да, да, работала я в одном порту, так там тоже висели портреты всех хозяев фирмы. И каждый должен был писать на них глаза и думать, что ты им вечно обязан за то, что они дают тебе работу и дерут с тебя семь шук.

— Это лучшие докеры, — вставил наконец Белыч. — Работки.

— Слыхи, парены. Я не министр, ты не президент, и мы не на дипломатическом приеме.

— Да грузчики этой Грузинки, полюбите вы! — вылез из себя Белыч. — Самые почетные. За труж их сюда поместили, за труж!

Джок только насмешливо присвистнул.

— Можете свистеть сколько угодно, все равно это рабочее. Вот Петров. Он рационализатор, ударинок.

— У васшего грузинка пакет акций? Миллион в банке. Нет? Сошвеняос. Покажите его.

Белыч ухватился за эту мысль, как утопающий за спасательный круг, и через минуту посылалый прощай Джон Кинглей на пароходе, где в трюме работала Петров. В ожидании Джок туристы выкинули по сигарете, затем по второй, а Кинглей будто провалился. Наконец он вылез на причал, крас-

ный, как помидор, в распахнутом пиджаке и сбитой на затылок шапке.

— Хэлло, Джок! — хохотали туристы. Похоже, вы там боксировали?

— Ужэ, черт, подерни! — откликнулся Кинглей. — У этого Петрова забавно пишарени. Он попросил помочь. Что ж, в конце концов докер должен помогать докеру. Но этот парен берет по два мешка сахара, как два апельсина. И я вынужден рядом с ним, как козочек в трюме. Потом этот Петров подлезал в кабину крана и управлял им не хуже механика. Да-а, этот настоящий докер, и доска, эта, как ее... почета, тоже правышная.

Болезнь Мустафы

Патрос туристского теплохода Мустафа Успен устал в трюм и вынул руку.

Теплоход стоял в советском порту, и партия отъезжала в советскую больницу. Ночью ему исправили сустав, а утром он уже сидел в большой столовой, всклокоченный и сердитый, и ждал завтрака.

На завтрак ему дали котлету и чай, как всем. Все стало есть, а Мустафа зашумел и оставила тарелку. Видит, аллах, он не станет есть эту пищу. Чего он хочет?.. Все ждали, что Мустафа потребует суи из черепашьих или жареной саранчи. Но — слава богу! — он попросил лишь чашку кофе и черную лепешку. Мустафа проглотил свой кофе и ушел довольный.

Незавдало до получения к Мустафе пришла медсестра с блокнотиком, чтобы узнать, что он хочет заказать на обед. И Мустафа сказал: чашку кофе и черную лепешку.

Опыт! — Медсестра вскинула брови в удивление. Но что она могла сделать, если человек в самом деле ничего не хотел, кроме чашки кофе и черной лепешки?

И вот как-то ему привезли кофе, как и обед. Оставил в турбокке: съел что хотел, захотел. Но вечером няня унесла обед петровным.

На другой день за Мустафу принялись врачи. Был даже профессор. Парень совсем ничего не ест. Совсем ничего, кроме лепешки и кофе.

Мустафа заглядывал в рот, щупал живот, брал анализы. Он глотал плахоту, гудел, как соловей врач, по алемкаим большому саду и до седьмого тона трудился в физиокультурном кабинете. Он смотрел на еду по-новому, однако по-прежнему не мог ничего проглотить, кроме чашки кофе на завтрак, на обед и ужин.

Неизвестно, чем кончались бы эта капишка, если бы за Мустафой не пришла болман Джо: теплоход собрался в обратный рейс.

— У васшего Мустафа плахоту шителет, — сетовал врач. — И мы не могли понять, в чем дело.

— У парня аппетит, как у акулы, дхляшус махот! — сказал болман. — Вы испорчили мне матросса. Ох, эти врачи! Я никогда не хожу к врачам. Он переброекся с Мустафой несомальными словечками и вдруг разразился хохотом. Через минуту вместе с болманом смеялись врачи, смеялись медсестры. Оказывалось, Мустафа не знал, что в советские больницы лечат бесплатно, и думал, что ему придется здорово раскопашиться за вывинутую руку. Поэтому он решил сэкономить хоть на еде, раскусив, что человеку, который не крепнет труж, и не несет везд, а дель-дольской валяется на койке, достаточно одного кофе с черной лепешкой.

Рисунки Э. ТАЛАНОВА

ПЕРВЫЙ САРАТОВЕ

Евг. ИВАНОВ

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Однажды мне довелось быть невольным свидетелем любопытного разговора между двумя молодыми людьми после концерта популярного в стране женского эстрадного оркестра ВЖКО.

— Ничего не скажешь, настоящий эстрадный оркестр.

— Да. Но есть один недостаток.

— Какой!

— Нет тромбонов.

— Не слишком ли много вы хотите от женщин! Где-то я читал, что даже в Америке, на родине джаза, есть всего лишь одна женщина-тромбонистка.

— Возможно. А вот в Саратове в самостоятельном женском эстрадном оркестре сразу две тромбонистки.

— Не может быть!

— Вскоре мне представился

случай побывать в Саратове. Естественно, мы с фотокорреспондентом спросили об оркестре. Вместо ответа нам пропнули приглашение: «Областной промышленный совет профсоюзам, городское управление культуры приглашают Вас в зал филармонии на просмотр выступления первого в Саратове женского эстрадного оркестра клуба «Юность».

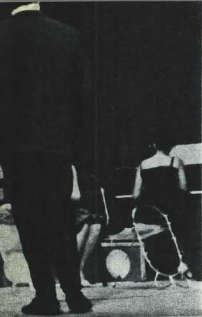

Эстрада — это улыбки, веселье, смех. Но Наде Фошовой сейчас не до шуток: не так уж просто разучить свою партию.

Выступление было удачным, поэтому у девушек хорошее настроение.

Так мы познакомилась с оркестром, в составе которого пять саксофонов, три трубы, три кларнета, аккордеон, набор ударных инструментов, рояль, гитара, контрабас и действительно два тромбона.

И все-таки не это прежде всего удивило нас. Поразили энтузиазм, настойчивость, упорство, с которыми создавался оркестр. Об истории его рождения рассказал председатель правления клуба «Юность» Николай Трофимович Ушаков.

— Все началось с самодельного почтового ящика, — сказал он с улыбкой, — похожего на то, что висит около стеньких газет со словами «Пишите заметки». Только надпись на нашем ящике была другая: «В

по классу трубы». Кстати, желающих играть на тромбоне было более десяти.

— А затем, — продолжил рассказ дирижер оркестра Борис Мокляк, — начался оборотный конкурс. Представляете, сколько огорчений и даже обид было у девушек, не прошедших августовские экзамены: ведь из ста семидесяти человек нужно было для оркестра лишь тридцать. Кстати, из принятых тридцати ни одна — представляете, ни одна — не умела играть ни на одном эстрадном инструменте. Принимали тех, кто обладал лучшим музыкальным слухом, чувством ритма и... торчком желанием. Поэтому работа началась с «вазов»: с общего знакомства

Соловьева-Седова, кубинская мелодия в обработке композитора Хосе Мартинеса, «Глубокий вальс» Хачатуряна и другие произведения.

Исполнители понимают, что им не все еще удается, но главное — сохранилось огромное желание работать и работать над совершенствованием исполнительского мастерства. И вновь в клуб «Юность» собираются после трудового дня молодые энтузиасты на репетиции (сейчас оркестр различает фантазию на тему песни Дунавского). И вновь с завидной настойчивостью они изучают ноты, десятки раз повторяют одну и ту же музыкальную фразу. И вновь в короткие перерывы между репети-

Уверенно звучит в общем ансамбле тромбон Светланы Скориковой.

клубе «Юность» создается женская эстрадная студия. Мелодии в ней заниматься должны опустить сюда свои заявления, сообщив следующие данные.» В ящике оказалось 170 заявлений: «Хочу играть на саксофоне, «Мечтаю стать ударником», «Примите, пожалуйста,

с инструментами, с изучения нотной грамоты, специфика эстрадной музыки.

Да, это был огромный, самоотверженный труд. Репетиции заняли сотни часов! И вот спустя полгода, весной, оркестр показал первую свою программу, в которую входят песни

циями девушки тут же, у классной доски, решает математические задачи и разбирают химические формулы: ведь большинство из них учится в вузах и вечерних школах.

Пусть же в этом дружном коллективе сопутствуют творческие удачи!

Демонстри буржуазным деятелям Латинской Америки давно стала привычной во всем. Большие охотники до митингов и собраний, они и двух слов не могут сказать без призывов к «борьбе», «прогрессу», «реформам». Революционная фразеология чужна буржуазной партии (буд) — венесуэльская «Демократическое действие или членская «Бьянко» — его основное оружие, которым он завоевывает себе голоса на выборах.

В истории Чили Гонсалес Видела прославился как рекорсмен демозгов и обман. Став президентом в 1946 году (работе тогда ему поверили), Видела до самого последнего дня своего шестилетнего правления предавал все свои предвыборные обещания. В Аргентине в 1957 году президентом стал Артуро Фрондиси, которому на выборах поддержка широкой групп профессионалов, включая коммунистов, так как его программа отвечала в какой-то мере интересам пролетариата. Ровно через год Фрондиси запретил коммунизм...

Без сомнения, сюжет рассказа Кармен Делиш Бенкимо навеян реальными фактами из жизни Венесуэлы. Политическая демаршата Анхелия Гонсалес так же отбавляет. Романо Бетанкур перед своим отъездом на пост президента в 1959 году вынужден довольно широко демократическую программу. Но все его посулы остались только посулами.

«Сегодня утра дождь, завтра ураган, но всегда найдутся люди, способные продолжать борьбу... Эти слова кончатся расколом. Отрывками от текста рассказа, эти слова волнуют, звучат патетически и призывно, но стоят только вернуть их на место, в венесуэльскую действительность, как они сразу же становятся символами фальши и демозгов, с помощью которых Бетанкура и Гонсалес маршуют головы Хуана Пабло.

Ю. ПОГОСОВ

Время от времени слышались шаги над асфальтом, проходящего по коридору, в треск костяшек домино из камер. Этот треск и голоса арестованных людей, человек, с нетерпением ожидавший минуты освобождения...

Ночь виволала во все углы, подогнала самых изверженных, уже готовивших войну, чтобы забиться на них, хотя во сне углы на несколько часов из этой безответной трансны. Пожалуй, нигде так не следят за временем, как в заключении. Непрерывное ожидание и стремление стиснуть каждой секундой каждую минуту, даже секунду, которую приближает желанное освобождение... Приближить тот миг, когда двери тюрьмы распахнутся, выпустят человека в неведомое — в город с купцами, давленными, тысячами огней и колес, в город, зачастую убивающий человека.

Луна освещает грязные дворы. За решеткой, там, во дворе, мусорный ящик. На ящике концы массивной стеной. Висит обтрос, а может быть, просто трясина, как и арестант, смятый этот двор из-за решетки.

Ничего, кроме призывных звуков: настойчивые вопли заключенного, обезумевшего от ти-

шине кому нам помочь, нас некому защитить! И ничего нельзя сделать, ничего!»

Словно желая уйти от мыслей, он встал и ушел от камеры за прутья решетки, отдав своей камере от коридора. На другой стороне коридора в такой же камере были люди.

— Эй, малыши! Ты чего спел? Денги? В складчину будь поосторожней. Да и я тоже... Это крикнул здоровенный летина. Ему хотелось побесновать.

— А кто, наверно, не знал.

— А а... Так ты, наверное, молчал, когда тебя звали, да? Или ты опасный политик? Его смех было отозвался в сердце Хуачо.

— Ну, раз ты политик, нам с тобой не по пути. И предостережу свое ремесло.

«И здесь то же самое! Почему же он сразу подумал, что я вор? Меня зря обвинили, зря судили, но я даже думаю то же самое...»

Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Он сел и стал вспоминать прошлое.

«Если бы была жизнь тогда! Тогда хоть кто-нибудь верил бы мне, беспокоясь бы обо мне. Вы бы отыскали... Четыре? Да... Я пришел из школы, а она уже лежала в высокой температуре

Кармен Делиш БЕНКИМО,
венесуэльская писательница

РАСКАЗ

шине, потрескивание приемника, настроиваемого с волны на волну, над торнадо, за высокой, массивной стеной, а совсем рядом, за стеной камеры, поспынивание дракочей войны, составляющей под тяжестью человеческих тел.

На ближайшей перекладине десять. В коридоре слышались гулкие шаги. Два человека идут рядом, идут вместе, но какие разные мысли возникают у них.

— Проходи-ка сюда... Посидишь здесь до завтра, а ты и походишь. Просто не знаю, что мне с тобой делать... Обтрепье несчастное, усталое и салять нас некуда, как только на ливни! Растерзала бы нас всех, как собаку. Как собаку? — Он, видимо, запнулся: детство... Нет, собака лучше, они живут...

«Они живут» — они лучше, они дурак... — бормотал, удаляясь, надиратель, а в камере надлежно с льюю остался человек лет двадцати трех.

Луна выплывала из облаков, тени ревертуют и преломляли его лицо.

«Хотеть и не мочь! Хорошо бы соорудить стену высотой до самого солнца и посмотришь, есть ли там бог... Что-то не верю я в него больше...»

Хуан Пабло, или Хуачо, как называли его в детстве, сидел на старой койке. Все тосковало в нем: в крепкие руки с большими связками кулаками, и полудряхлые глаза, но больше всего его тело, сошедшее для работы.

«Сколько такса, как и? Здесь, рядом, в этой тюрьме, и там, за стеной, в родных местах. Не

Стонала. Она едва взглянула на меня, словно земля далавила ей на neck.

— Слышь, беги в Уруселин, попроси прийти... Иначе нечего не услышишь.

И я не дослушал, помчался вперед по лестницам и все повторяю, что мать не должна умереть, не должна! Как я буду жить без нее? Я словно предчувствовал, что меня ожидало. Потом я ухватился на подоконник у Уруселин и пошатнул всю весел сл.

— Тети, поймайте скорей! Мама умерла. Она заболела.

— Иду, иду... Только вот дам маленькому соку. Ему бы горшок молока, да только какое молоко у голодной матери...

Ребенок, которого она держала на руках, был пятком.

Мы спустились к нам в комнату.

— Уруселин... Если я умру, возьми Хуачо к себе... Он единственное, что я тебе оставлю. Береги его... Береги. Ох! Воже мой...

Волны и ничего не услышал. Смерть ждала последних слов матери и напелась своей утар, а стал членом семьи, многодетной семьи тети Уруселин. Я прибрал ей забот, расходов и горечи, но зато помогал качать детей и бегал за покупками. С раннего утра отправлялся продавать пончики. Ветер приносил мое тело, едва прикрытое рылами тряпьем. Как шарик, я скатывался с холма и горой, и запах горячих пончиков, лежащих в корзинке на голове, бур-

ражи жуков. Каждый день я слышал суровые наставления тети:

— У тебя пятнадцать пончиков. Домой ты приносишь пятнадцать ложек, двадцать пять полулодок. Старайся продать все, тогда мама будет поспокойнее.

— Двадцать пять полулодок... повторил я... двадцать пять ложек, двадцать два с половиной реалов, шесть бональваров с одним реалом... Мужчины ходили на работу, ночью бродились, возвращавшиеся домой, женщины, спешившие с сумками на базар, и другие женщины, уже возвращавшиеся оттуда...

— Купите пончик, еще купите, еще... Я считал: один, два, три, четыре, 다섯... Если бы я мог продать все! Если бы хоть раз я мог принести домой двадцать пять полулодок! Тогда бы я увидел улыбку на лице тети. Но нет, слова остались пятнадцать холодных, зачерствевших пончиков. Тети считала денги и пончики.

— Тридцать ложек, пятнадцать полулодок... А где же еще пят? Куда ты дел их?

— Я не брал, тети. Наверное, кто-то обманул меня...

— Ты идишь по дурной дорожке! Если не исправишься, станешь вором. Сегодня ты лжешь, завтра будешь в тюрьму подматывать, стоишь брать чужие. Я всегда была бедной, но честной.

Так впервые я услышал слово «вор». Я смотрел на портрет матери, вписавший над кроваткой, и думал: «Почему умерла она, а не ты?» Затем гнал эту мысль прочь. И снова тогда было бы интересно детей у нашего бедного отца и моя большая мама.

Пронюх несколько лет. Я работал в механическом цехе, протирал все, на что садился изаль. Однажды помощник механика украд изобретения, а я увидел это и все рассказал администрации. Меня зывали давать показания, но доказать, что это сделал он, я не смог, и на меня стали плохо поглядывать. И снова тогда было бы интересно детей у нашего бедного отца и моя большая мама.

— Я так и знала. Я ведь предупреждала тебя, потому что сама я всегда была бедной, но честной. Как бы переживала твою мать, если бы была женщиной!

Вечером я навсегда ушел от тетки Уруселин. Но еще долго оглядывался на наш дом, пока он не скрылся за другими строениями. Мне удалось отстоять в магазине уборщиком и сторожем. Все было бы хорошо, если бы не появилось мое «черное счастье». Кто-то выломал ящик в магазине и утащил денги. И опять люди завывали на меня. Хозяин — дон Хосе — узнал, что раньше меня уже подозревали в уворовстве.

— Вы не понимаете, что говорит, дон Хосе.

Вас ввели в заблуждение. Ведь никто ничего не мог доказать. Я не крад...

Но кто разуетерн хюания, у которого пропали денги!

И каких я у себя не держу. Ты мне не нужен, проивай!

Долгими часами я бродил по городу в поисках работы. Однажды во вторник, хотя для меня все дни недели были воскресенье, я зашел в бар выпить сталячки конка-ролы. Бледнолицый человек в шляпе, наводящий на глаза, попросил от меня в сиропе.

— Где работаешь, парень?

— Нигде. Не могу найти работы.

— Хочешь выпить?

Почему он сказал:

— Заберишься кучу денег. А вся работа — стоять возле банка и дать сигнал в случае чего. И все.

Я отказался и ушел. На другой день я снова зашел в этот бар, и полиция продолжала мне пройти с ним. Были ограблен банк, а меня ввели накануне в главари банды. Вот так. И теперь я уже долгие часы сижу запертым, надеюсь, что справедливость! Справедливости! Уже третий раз меня обвиняют в краже. Законодательный орган. Пожалуй, я был бы хорошим вором, но я и я буду воровать. Подожду. Все вынесет, а меня отпустят. Найду работу; буду

мать стекла, машины, буду много работать. Буду честным... А вдруг нас вам поведет — подумаю, как, чего доброго, начментаю мой портрет? Тогда все узнают, что я вор, и кто тогда козыряет меня на работу? Если бы кто-нибудь поверил мне, если бы кто-нибудь помог!

Хуанчо сидел, стиснув руками голову. Он так задумался, что не слышал, как отворилась дверная решетка и в камеру оказалась еще один человек. В реальный мир его вернул голос надзирателя:

— Посиди здесь. Этот вор неопасен, а завтра решат, что с ним делать. Посиди, политикни и воры отлжно ладят.

на воле остались мои единомышленники. Ничего, парень, придет день, и солнце осветит каждый забравший уголок. Тогда у нас будут школы, и наши дети будут сыты. Работать захватит на все. Любовь возьмет верх над ненавистью, когда все мы сплотимся, поможем друг другу... — И все вор... — начал Хуанчо. — Меня взяли по ошибке, а когда разберутся и выпустят на свободу, я присоединюсь к тебе и твоим друзьям, чтобы помогать. Меня зовут Хуан Пабло, и мы должны считать меня своим.

Хуанчо, давая Ганнибалу это обещание, чувствовал, как растет в нем сила для борьбы. С этого дня душа его была переполнена тем, о

если на воле его единомышленники. Сегодня устал один, завтра другой, но всегда найдутся люди, способные продолжать борьбу!

Он встал, вышел из камеры, встал на соседи. Дело готовилось втайне. Пеночка росла.

И день пришел... Сначала город был похож на мочу, что режет в половине города, а дальше поволока, но люди могли свободно ходить по улице и даже собираться группами.

«Интересно, где сейчас Ганнибал?» — думал Хуанчо по ночам, когда возвращался из города. Он узнал, правда, что Ганнибал вышел из тюрьмы и тоже боролся, как и Хуанчо.

Стерся образ матери с везами, словно приделанными землей; стерся образ друзей, словно выжженной, измученной, от него голодом и жаждой. Всегда навсегда из его жизни хозяин дон Хосе. Осталась действительность, опустеленная, как солнце.

Он нашел Ганнибала, вернее, увидел его. Ганнибал стоял перед людьми, которые слушали его. Ганнибал говорил, что Ганнибал встал на площадь. Хуанчо остановился. То, что говорил ему Ганнибал в тюрьме, слушали люди на площади. Эти слова были важны людям, как вода немое. Кулак Ганнибала молчал в воздухе. И люди с антагонизмом аннулировали оратору, и Хуанчо был готов бороться, он был готов шаг за шагом делать больше, нужное дело, умирять людей и раб и воспринимать слова в долах других людей. И хотя сама мысль о возможной смерти немного смущала Хуанчо, энергичный голос Ганнибала сокрушал и отбрасывал его сомнения.

«Я должен продолжать борьбу», — повторял Хуанчо, — должен продолжать бороться...»

Он возвращался домой с мыслями о том, что пришло время найти и выдвинуть человека, который был бы способен возглавить борьбу и выполнять все то, о чем говорил Ганнибал. И Хуанчо решил встретиться с Ганнибалом, чтобы помочь ему.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

Он закончил грязным ругательством и ушел. Дня четыре на обрешетке валил снег — и думал Хуанчо. — За что его посадили? Вружизн к нему так же несправедлива, как и во мне? —

То в забытьи, то в бессоннице прошла ночь. Два часа на обрешетке валил снег — и думал Хуанчо. — За что его посадили? Вружизн к нему так же несправедлива, как и во мне? —

Добрый день, приятель! Как дела? — раздался голос соседа.

— Добрый день... — Меня зовут Ганнибал... Черт знает, что творится в нашей стране! Все в руках нескольких человек, истеричных совести. Они отняли свободу у народа, а когда мы ее требуем, нас сажает в тюрьмы, как будто мы враги. Я из тех, кто решил бороться, паренек, хотя сейчас меня обвиняют в том, чего я не делал. Десять лет хозяйничали эти овсы, и с каждым днем они халают все больше и больше, хотя тысячам людей нечего есть, нигде жить, и им остается умирать в нищете... Овны? эти овсы, и есть настоящие воры, они, а не ты, который украл какую-нибудь мелочь для себя или для своей семьи!

Затянул дышанье, слушая его Хуанчо.

— Когда и выйдут овсы? — продолжал Ганнибал. — то снова буду бороться. Борьба до самой смерти! Сегодня они посадили меня, но

чем говорил Ганнибал. Он давно хотел доказать, что может быть полезнее людям. Теперь он не боялся города, и него была одна мысль: он выйдет на свободу и присоединится к товарищам Ганнибала.

И вот однажды, спустя месяц, решетка камеры распахнулась. Надзиратель долго вел Хуанчо по тюремным переходам, пока наконец перед Хуанчо не вспыхнуло светлое пятно. Это была дверь. Дверь была открыта. За дверью была воля.

Можем идти домой. Против тебя не нашли ни одной улики в деле ограбления банка. Можем идти, — повторил он, — но учти, что ты занесен в списки полиции, и если снова будешь замечен... Повнимай?

Хуанчо даже не обратил внимания на предупреждение надзирателя. Он знал, что его жизнь пойдет по иному пути. Он обещал товарищу. Он поверил в то, что теперь никто его не разувает. Шагая по улицам, он был счастлив и уже не боялся, что громады зданий развалят его. Хотелось поскорее прийти к друзьям и заняться делом.

«Поговорю с Хасинто и Педро, с Рамонем из бара, с Суэсаной, кто спрячет чужое белье и мучается с тремя детьми... Поговорю со всеми в доме — надо работать. Пенажно, что сегодня забурт одного, а завтра могут забурт другого», — думал он. — Остальные все равно поднимутся на борьбу. Навязно, что кто-то сидит в тюрьме,

Может быть, его одеяла и растерянный вид вымажут позорнее? Хуанчо почувствовал тревогу. Он решил уходить, но мысль о Ганнибале удерживала его.

«Когда он придет, то протянет руку, как в тюрьме, и женщина за окном, что смотрит на меня так недоверчиво, поймет, кто я».

Шум подъехавшей автомашины заставил его обернуться. Хуанчо увидел в машине Ганнибала. Перекресток двери открылся, но прежде чем вышел депутат Ганнибал Гонсалес, из автомашины вылез полицейский. Хуанчо нерешительно приблизился, и смущенный, вышел в карман за платком, чтобы вытереть влажные глаза. И в это мгновение полицейский выстрелил. Хуанчо почувствовал, как подгибаются ноги, потом все вокруг закружилось, и он успел услышать чей-то голос:

— Ты самый вор... Он хотел убить вас, сенатор, и угнать машину...»

Депутат увидел залитое кровью лицо и не узнал Хуанчо. На следующие утро он раскрасил глаза, иду к врачу, чтобы получить более нарядно: — Убит вор-рецидивист, пытавшийся угнать машину депутата Ганнибала Гонсалеса и покушавшийся на его жизнь».

А вчером Гонсалес снова стоял перед толпой и говорил, не выжимая фразы, что не раз слышал Хуанчо:

— Сегодня устал один, завтра другой, но всегда найдутся люди, способные продолжать борьбу...

Перевел с испанского А. МАМАРОВ

ИНСЕКЦИОННАЯ ЖИЗНЬ

С давних времен известно, что змеиный яд — ценнейшее лекарство. Десятилетиями люди добывали его так: змея атрофовала голову, высушивали и топчили в ступке. Но сколько же нужно было поймать и убить змей! Сейчас «отпарить» яд помогает электрический ток. Это совершенно безболезненная процедура, и через двадцать — тридцать дней змея снова готова «отдать» человеку яд.

Это очень сложно — отловить тысячи змей. Но для их необходим для изготовления противоядия и ценнейших лекарственных препаратов для лечения радикулита, ревматизма, тромбозов.

Первые попытки массового отлова змей, предпринятые в 1934 году, окончились неудачно. Отравленные среди лета экспедиции возвращались с пустыми руками. Оказалось, что ловить змей — дорогая наука. Только зная их вкусы и привычки — один змею любит погреться на змеем солнце, другие — подражать в горах у родников — можно вернуться с полными мешками кобр, гюрз, эф, гадюк.

Изучением ядовитых змей и их ядов занимается один из отделов Института зоологии и паразитологии Академии наук Узбекской ССР.

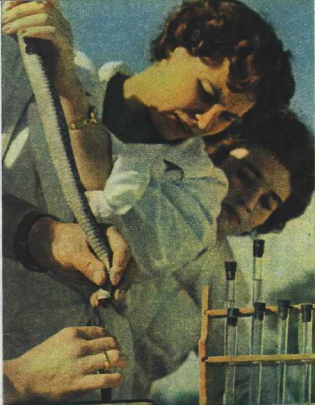
В пустыне появились люди новой профессии — змееловы. На юге Узбекистана по берегам Карасу и Сурхан-Дарьи, на северных склонах хребта Нуратау и Туркестанского хребта бродят люди с кофейным загаром на лицах и шутят то, что в любой момент может обернуться смертью для них и спасением для сотен больных. Шутят ядовитых змей.

О. БОГДАНОВ

Фото В. МИШИНА

Сильно ловности, смелости надо иметь, как хорошо надо знать змеиные повадки, чтобы выловить кобру Ю. «очевидно стоит выделки». «Запасов яда у кобры больше, чем у других змей, и эта двухметровая красавица — настоящая удача змеелова.

В отделе ядовитых змей Института зоологии и паразитологии Академии наук Узбекской ССР тщательно исследуют пресмыкающихся, наблюдают за их здоровьем. От чего зависит качество и количество яда, можно ли редуцировать его образованием и выделением — над этими вопросами работают узбекские ученые.

Младший научный сотрудник отдела Маргарита Зиникова и лаборантка Ката Розмахамедова берут у змеи кровь на анализ.

Тридцать лет назад Иван Григорьевич Призва впервые один на один встретился с разъяренной гюрзой. Тысячи змей выповли он за это время. Есть что вспомнить опытного змеелову: были и страшные укусы, которые надобно приковыляли и постели, и удивительные приключения, были и бесповоротные, казалось, решение — бросить эту работу. Но горы, полные неожиданностей и опасностей, манили. Теперь Иван Григорьевич не только сам ходит «на охоту», но и учит других.

Участники экспедиций «проходят» маршруты по карте. Через несколько дней они уйдут в предгорья хребтов и вернутся с полными мешками щитомординок, гадюк, эф, гюрз, кобр.

"Звонячи-пономичи"

ФЕЛЬЕТОН

Письмо начиналось так: «Очень Вам благодарим за красиво иллюстрированный и содержательный журнал...» Оно было написано прилежным ученическим почерком, и неграмотная фраза хотя и вызвала досаду, но все-таки вселяла надежду на то, что прилежание автора предвещает в конце концов грамотнику.

Далее примерно на том же грамматическом уровне излагалось существо дела. Как-то журнала опубликовала очерк о пионервожатой и дала на обложке ее портрет. Так вот причина этой пионервожатой и вызвала негодование автора. «Вм», — писал автор, — показала пионерку с этой разглагольствующей модой прическу и испортила всю нашу работу по воспитанию скромности.

Конечно, обидно: воспитывали-вос-

питывали, работали-работали — и на тебе! Все испорчено разглагольствующей модой. Ну, ничего. Автор молча, горюя и делая поспешный вывод. Подрастет, научится грамотно излагать свои мысли, поймет, что не в прическе смысл жизни, и...

Ничего не «в»; дорогой читатель! Письмо подписано директором школы! Написано, видимо, учеником или ученицей, а подписано самим директором. Таким, знаете, демократическим почерком, но терпением возражений. И так он был, наверное, занят работой по воспитанию скромности, что подмахнул письмо не глядя. Не глядя.

Ага. Но вот другое письмо: «Очень Вам благодарим за красиво иллюстрированный и содержательный журнал...»

Что за напасть! Грамотой другой, а грамотность та же. Читая дальше. «Вм показала пионерку с этой разглагольствующей модой прическу и испортила всю нашу работу по воспитанию скромности...» Можно быть! Бумага другая, почерк другой, а подписан та же самая. Тот же самый стремительный росчерк. Означает, значит, подмахнул не глядя.

Может быть это просто деканат? Может быть, директор прислал работы двоичником? Может быть, у него латва болит, и он решил поведать божу своему десятиному оркестру? Но и тут приходится поспешить.

Но я тут прихватываю одновременно с выдохами. Глядела директор, глядела. И еще как глядела! Одно письмо в журнале, а другое письмо в газету. С прической: некая ам, моа, поможка забудшей редакции журнала воспитывать и популяризовать скромность!!

Можно, товарищ директор! Прежде всего поощрившим дисциплину во вверенном нам учебном заведении. Оба ваши исполнителя нас не подвели. Все ошибки на месте! И как вы добьетесь такого сказочного послушания? Но иначе, как постоянной работой по воспитанию скромности. Конечно, при таких достижениях можно даже всех отбить наградо. Никто и не ищет. При таком послушании остается только удалять всех мало-мальски грамотных лиц, чтобы не завладели и не вообразили. И тогда скромность восторжествует по-настоящему.

Итак, залопачавая фотография вылазала толка. На ней изображена довольно милотидная девушка в поаоса-аоса в высокую шапку, а рядом с собой как ей нравятся. Я не парикмахер и не могу судить, хороша ли ее прическа, и, если бы не грозные малограмотные письма, а даже не обратила бы на эту прическу внимания. Но теперь и я вижу, что воспитанию нанесено непоправимый ущерб. И думаю, что эту девушку надо отбить наградо. Потому что, будучи голова исключает все разговоры о прическах.

Впрочем, наглость письма и вполне грамотное. Автор привела в ужас не только прическу, но и вышло прическа. «Можно ли сегодня, когда партия во весь голос заявляет, что нам необходимо вести борьбу с буржуазной идеологией, пропагандировать в молодежном журнале такие экстраординарные для старшей пионервожатой?»

Вероятно, автор знаком с идеологическими задачами понаслышке. Читала газеточка газет и что-то слышала по радио. Только делая обстоятельным и объясняется это: «Можно ли сегодня, когда партия во весь голос заявляет, что нам необходимо вести борьбу с буржуазной идеологией...» Я не приращаю к словам, дорогой читатель. Я обращаю внимание на ход мыслей. Партия объявила борьбу именно с буржуазной идеологией не сегодня, не вчера и даже не позавчера, а с самого своего основания. Более того: эта борьба была объявлена еще до основания партии — в Коммунистическом манифесте. Но людям с вычлывающим идеологическим образованием важно ударить в колокола своей «принципиальностью». Чтобы оппонент не успел опомниться. Чтобы опробовать и слыхать. Чтобы побоясь лугутого звона. Чтобы действительно поверили, будто форма важнее содержания. Ибо пошлая демагогия оперирует высокими словами, употребляя для своих мелких интересов. И вот эти интереса:

«Первым этапом, конечно, должна быть борьба за соответствующую внешность... за соответствующую внутренность» когда бороться? Загнать нас с понедемайкой?

Благословит внешний вид — выдвигая опора хвляеж. Вот как пишет один

правоборвец: «Моды — это не безобидная вещь, а элемент всей культуры, ископаемые на арсенале идеологических дисперсий».

Как все-таки просто весте идеологическую борьбу. Не надо ни знаний, ни способностей, ни убеждений. Всеж — в салопы, мод машинку — и победа обеспечена! А журнал мод закрывать. Прикимерские закрывать. Неужто там кто-то стелется на дельта. Пестрых тканей не выпускать.

И тогда можно спокойно посылать детей в школу. Они уже нигде не увидят запертого оркестру. Идет в форму, как при Белкове. Помните, был такой человек в футляре? Помните, он ставил под вопрос, можно ли женщинам сидеть на велосипеде. Еще до войны, когда стелется на дельта на первых физкультурных. Я помню, как суровые блатисты правдивости вырезала прямо на улицах из влоадыши в моду широких брюк некие полотины. Чтобы не ходили в широкие. Потом духовные насаждения этих правоборцев стали вставлять камыш в узкие брюки. Это же злодейство! И ужасно, кажется, что женщины насчет брюк и завязь за прическу.

Суровые правоборцы всегда при деле. Им бы самим причесаться, почесаться, костюм отгладить, рубашку бы пострять, ботинки почистить. Им бы сообразить, что на модный костюм меньше материя идет, стало быть, он дешевле. Им бы заметить, что женщины не похожи друг на друга, что глаза у них разные, и овал лица, и цвет волос, и даже, прощу прощения, фигура. Одной просто необходимо ходить в высокую шапку, а другой на низком. И все это — их личное дело. Но правоборцы ленины и алы. Оттого, что ленины, они злятся, а оттого, что алы, они злятся.

Тем не менее жизнь идет вперед. И мода — это мода. И нечего кричать, что она идет с Запада. Обезьян везде хвляеж, не о них речь. А если какой красивый фасон изобрели на Западе, мыслите проси.

А дальше будет еще ужаснее. Звонари-пономари даже не подозревают, какой могучий удар нанесет им Большая химия. Через год-два цвета будут яркие, чистые. Чулки — тончайшие — не увидишь! Эти кромоальные нейлоны, перьяны, лансансы, поролонны, мехла, шерсть. Туфли на шпильках, на подставках, без подставок. Нося — не хочу! А пропорция какая появится! Стойкость невыдерживая. А украшения, а декоративность!

Плохо ли?

Неужели плохо! Неужели не надо весте этой? Неужели не надо несомненно давить, давить на любую, на любую красивую прическу! Неужели так всю жизнь и сидеть слыхами и наблюдать: не перекраска ли кто волос, и не завязка ли кто лобку, и не салопчик ли кто ружейки!

В «Бане» Маяковского одна девушка жалуется, что ее уводили со службы за то, что она красивая губы. Женщины из будущего удивлены:

— Кому красил губы?
— Себе.
— А им какие дело!

Милые женщины! Чего вы негодуете? Вам же никто не красит губ, никто вас не лупит дубьем, и никто не выводит из вас модных губов! Губы не инстинкт на молодых людей за то, что они молодцы. Все это уже было. Уже Кабинина рычала на Катерику. Уже Белков стелся на дельта. Уже стелся отругав первых наших физкультурных. Уже широкие брюки побежали узкие. Уже узкие побежали широкие...

Рисунок В. НЕДОГОНОВА

Составил З. КОЗЛОВ,

г. Кадишна (Луганская обл.)

Но, кроме всего перечисленного, была, есть и будет большая жажда, с большими проблемами, с огромными задачами. И Достойство человека определяется степенью участия в этой жизни.

А те люди, которые, кроме прически, ничего не видят, они сами мало чего стоят. Это в равной степени относится и к устаревшим обывкам и к тем, кто жда на себя жалости и обязанности сообщать по инстанции, у кого какака дала бочка, шпирива брюки, итенсивность прически и высота баблукот.

Если пионероказка любит своих питомцев, если им с нею интересно, если ее знания увлекают, если она с ребятами правдива и справедлива, она вызовет их уважение, и даже прическа ее покажется им красивой, если у них будет время ее заметить.

Но когда наставник застывает питомцев переписывать свои безграмотные доклады, ничего, кроме туловищности, он вызвать не может, даже если одет он в скромный армяк.

Потому что на внешняя вид надежды сам не кладем.

А чтобы точнее сформулировать свою точку зрения, скажу: я предпочитаю модно одетого и красиво причесанного человека, который хорошо делает свое дело, скромно жалею, который разводит демагогию вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности.

Менскаяская ограниченность в самом своем существе противопоставляет передовому мировоззрению, потому что требует застой, тиклой заводи. Прическа прической. Дело не в ней. Дело в том, что ни один протываек этой несконечной прически ни словом не обмолвился во существу дела. Нравится ли ему, как работает фотографированная и журнале пионероказка, как им нравиться? Есть ли у него сообщения на сей счет или нет? А ведь, кроме фотографии на обложке, в журнале помещена целая статья о работе девушки. О работе? О том самом действии, которое довольно часто упоминают авторы писем. Так неужели же они упоминают слово «работа» только для греску, в сами даже не интересуются ею? Выходит, что так.

И в этом заключается менская сущность хажжества! Ханжа занимается только внешним видом. Он устраняет свои действия только вокруг внешнего вида. И при помощи пласок вокруг внешнего вида он хочет свисать славу передового правооборда. Ему нужна похвалка. Он жесток и мистифилен. Ему чужды доброта и снисходительность. Он добывает свой кусок при помощи беспощадной жадности и придирчивой подозрительности. Он понимает, что внешний вид — единственное поприще, которое не требует ни знаний, ни размышлений, ни простой человечности. Он знает, что во внешнем виде можно построить себе карьеру. И, уж будьте уверены, он создает такие шеренги, что ни одного лица не узнаешь! Даже ошибаться все будут одинаково. И уж понадеясь ему что-нибудь из ряда во выходящее, поряжее ему покажуту, — он не оставяется ни перед чем. Ему нужен застой. Так ему споконине. Так он чувствует себя в боевом коне.

Уме лень думать и лень рассуждать...
А ведь писать надо грамотно. И читать надо с умком. Делать можно дело. И высокие слова употреблять к месту. Вот это и называется скромностью. Такая скромность вызывает уважение. Это и есть воспитание скромности.

А белая в комсомолы из мада. Потому что хажжество вызывает смержение даже у детей.

И прическа — шут с ней. Как видяте, не в ней совсем дело...

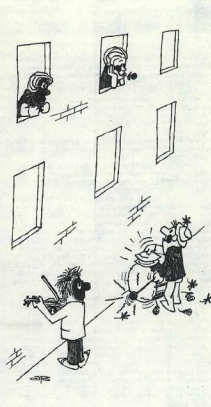

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

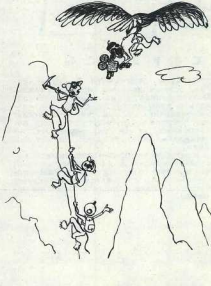

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

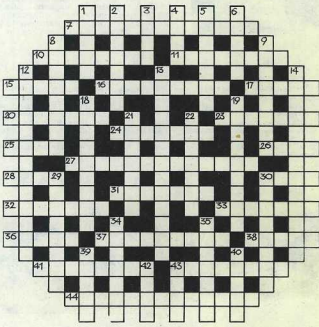
Рисунок С. СПАСКОГО по теме Е. ГАВРИЛИНА

По горизонтали:

- Русский живописец-портретист XVIII—XIX веков. 10. Один из первых народных артистов пестукини. 11. Советский космонавт. 15. Металл радиолампный элемент. 16. Система исчисления времени. 17. Дикая лошадь, обитающая в Африке. 20. Областная центр в Узбекистане. 29. Смазка И. В. Салтыкова-Щедрина. 24. Промышленное предприятие. 25. Руда, из которой добывают титан. 26. Древнеславянское шипящее свазначие. 27. Музыкальн, сопровождающий пение игрой. 28. Легионна на судне. 30. Конструктор советских вертолетов. 31. Курорт в Тульской области. 32. Разновидность глины. 33. Автор песни «Марш Вуденного». 36. Стихотворная форма. 37. Одна из систем тельнесонной. 40. Писатель, национальный герой Чехословакии. 41. Автор книги «Путьни в жизнь». 43. Объединение научных учреждений и общества. 44. Советский энергетик, руководитель комиссии ГОС.ПРО.

По вертикали:

- Частица света. 2. Специалист, выполняющий работы под водой. 3. Кормовое боевое оружие. 4. Сигнальный духовой инструмент. 5. Родовидность лошади. 6. Рона в Европе. 6. Условная линия, проходящая через полюсы земного шара. 9. Город в Ульяновской области. 12. Аппарат для преобразования переменного тока. 13. Пролетарский гимн. 14. Советский геолог, академик. 18. Автор оперы «Волган Хмельницкий». 19. Оптический прибор. 21. Рона в Красноярском крае. 22. Связанный музыкальный инструмент. 20. Трилогия Г. И. Сербериной. 30. Планета Солнечной системы. 34. Ценная железная руда. 35. Подмосновный город. 39. Единица измерения индуктивности. 40. Инертный газ. 42. Медицинский работник. 43. Город в Ростовской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 11

По горизонтали:

- Смордрина. 7. Стогометатель. 10. Суппорт. 11. «Ислам». 13. Базис. 16. Тамарин. 19. Тираторн. 22. «Исчание». 23. Рефратр. 24. Сталин. 25. Нурчатов. 28. Складвр. 32. Акт. 33. Винтер. 34. Нафара. 36. Зиснаваршчин. 37. Кроссворд.

По вертикали:

- Водостом. 2. Хорей. 3. «Гитарист». 5. Штороп. 6. «Ильнда». 8. Гум. 9. Медр. 12. Стрелка. 14. Заметка. 15. Ондатар. 17. Аринга. 18. Сорго. 20. Истон. 21. «Складвр». 28. Акт. 27. Асвент. 28. Вариторн. 29. Сансфрон. 30. Феерия. 31. «Нора». 35. «Данси».

Фелікс КРИВИН

Т Р Ю М О

Трюмо терпеть не может
И тем и знаменито,
Что зеркала его души
Для злободог отбавляю.
А в них — то кресто, то монод,
То рудиль, то обновин.
Меняется душа трюмо
Со смешной обновин.

ДОМ СТРОИТСЯ...

ПО РАДИО

Это был обманованный подземный крик. В движениях его было что-то размеренно-методическое, что обычно отличает работу хорошего инженера или от плохого. Но здесь, как ни странно, картина противоположная была тута. А крики между тем продолжали совершать все необходимые операции. Вот он остановился в нескольких метрах от сложенных на земле деталей, рабочий привычно и инстинктивно поднял трос секунды — пришла в движение лебедка, и панель пошла вверх. Затем крик двинулся по рель-

совым путем, доставив груз по названию. Вдоль нескольких секунд и монтажники, правая деталь, быстро и аккуратно установили ее на месте.

Любопытно и другое: после каждой операции крик объявляет о своих намерениях. Например, подкачал и третьей секунды, он сообщил через репродуктор на всю строительную площадку:

— Крян находится на третьем участке. Бригады, приготовьтесь и приступайте к делу!

Что же чудно? — подумалось мне, когда я в первый раз наблюдал за работой кряна. — Не по шуму же несомненно все происходит? Секрет этого «чудо-кряна» в том, что он представляет собой радиотелевизионный аппарат.

На лесах строящегося здания стоит бригадир-оператор. На груди его висит маленький аппарат с набором иконок — радиопередатчик. Достаточно оператор нажать одну из восьми надписей иконок, смонтированных на панели, и точное же «всего» кряна полетит соответствующая команда. Крян выполнит все команды легко, плавно, не совершая ни одного лишнего движения. Так ученые нашли способ строительства здания... по радио, с помощью обыкновенной бригады совместным работам, продолжаям сотрудничеству Института автоматов и телемеханики. Всесоюзного научно-исследовательского института строительных машин и дорожных машин и НИИ «Мостстрой». Недавние испытания кряна на объектах показали его надежность и экономичность. Экономия топлива даст государству, составляет более трех тысяч рублей в год.

Юр. ВЕЛЯКИН

него дома нет телефона, но, пожалуй, он не чувствует этого неудобства: его лотки Москва, Александровский мостовый дорожный. В этом смысле образ жизни молодого композитора очень похож на тот, который ведут журналисты: жизнь на колесах и короткие переводы дома, на отдыхе далями Камовского — Север и Дальний Восток, Казахстан и Сибирь. И вряд ли это можно объяснить просто «охотой к перемене мест» — для Австралии это необходимое условие творчества. Перекрут колес и шум моторов создадут ему творческую обстановку.

И в пекле его слышна голая дорога — то протяжение и тизис, то вылет в веселое. Однако собственное «борознение» песен у Австрия немного. Дорожные впечатления милолетам, а композитора интересет жизнь постоянная, устойчивая. Вот почему главнее в его творчестве — мезовечные чувства. Что касается «изучения жизни», то Александр Австрия предпочитает обходиться без энциклопедий и справочников, он постигает ее самостоятельно — своим присутствием в ней. То, что австрия называет «переволнением», происходит и в творчестве Австрия. Он умеет перенестись в бытие своих песен. А они разнообразны: солдаты, моряки, творцы целины, свирские строители. Вот почему песни молодого композитора так популярны в своей широкой аудитории. Особенно молодой.

Конечно, можно спорить о достоинствах и недостатках тех или иных песен Александра Австрия, но бесспорно, что во всех его произведениях — крепкая основа. Мы говорим о традициях русского песенного творчества. Это не только результат внутренних связей композитора с песенным творчеством народа, но и результат его постоянных поездок по деревням и селам — местам, где рождаются и живет музыкальный фольклор. Должно быть, потому песни Австрия прочно живут в репертуар популярных народных коллективов Северного моря русской песни, Государственного русского народного хора имени Пятницкого, Сибирского и Омского русских народных хоров. И, конечно, их исполняют самодеятельные коллективы. Кстати сказать, и сам Австрия пришел в профессиональное искусство из заводской самодеятельности. Его талант возмужал и окреп в соборных хорах «времь службы в армии. Вообще говоря, солдатская тема занимает в творчестве Австрия особое и почетное место. Для него — это «свой материал», знакомый до последней детали. Сегодня в почтовых чехлах, на пограничных заставах и кораблях — всюду можно слышать песни Австрия, и, надо сказать, что они не стареют, а скорее и больше с годами. Времь службы в армии Австрия, созданные им за последние годы, — они достаточно популярны и памятливы. Их исполняют по радио, со сцены и просто в студенческих чехлах, на полянах, и «Жду я тебя», и «На полянку едет...», и «Миала мама», и многие другие. Сегодня мы публикуем две новые песни Александра Австрия. Сейчас композитор снова в пути, и мы надеемся, что скоро сумеет познакомить читателей с его новыми песнями, которые он приносит в редакцию, как дальних странствий возвращаться...»

Слезы и вирусы

«Человек существует только потому, что умеет плакать!» — такое необычное заявление сделал профессор Югольбургского университета Монтгомери. Он считает, что слезы являются важным фактором в жизни человека. Слезы не только вымывают из глаз; по слезному каналу они проникают в дыхательные пути и увлажняют слизистую оболочку носа. Это, в свою очередь, по частому сморканию зрителя на «трагических фильмах», слезы — не вода. В их состав входит лимонная — вещество, способное убивать бактерии и даже вирусы палочковидные. Плачущая — дезинфицирующее вещество, потому глаза редко страдают от микробов.

ТРУДОЛЮБИВЫЕ СТРАУСЫ

Страусы отличаются быстрым бегом, острым зрением, чутким слухом. Поэтому нередко стали использоваться в роли пастухов. Страусы настолько оказались весьма воинственными: они не только отгоняют от стада посторонних, но и преследуют их, не стесняясь нападать даже на автомобили.

Читывая хорошие «хоровые качества» страусы, в Африке их использовали вместо лошадей. А в Калифорнии недавно состоялось «страусовое бега», которые прошли с большим успехом.

Главный редактор В. И. Самохин.
 Редакционная: Ю. Н. Верниченко, Е. А. Демиско-ва, К. Н. Замосин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Кравцовский (ответственный секретарь), Е. И. Рабчинин, А. Б. Стуков.

Первая страница обложки: Гудин зовет на смеку. Точка Николаевского народного комбината Валентина Богданова вместе с товарищами выпаривают в чех.
 Фото А. УЗЛАН и Е. УМНОВА

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудинья.

ПИСЬМИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

Рукописи не возвращаются.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

А 00414. Подписано и печатно 6/VI 1964 г.
 Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1110.
 Заказ № 1420. Формат бумаги 70x108/32.
 2 бум. л.—5,48 печ. л.

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-41; отдел омерки и публицистики — Д 3-31-03; международной связи — Д 3-31-50; библиокультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-01; оформления — Д 3-31-31.

Ордена Ленина типография газет «Правда», «Пролетарская» и Л. Ленинга. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОЛОСА ДОРОГ

В темпе марша

Л. Шел
И. Лещ

земной но-чи не забудет го-ринст. Самый первый уйдешь ты в до-
рогу на-мгновенье твоем, гу.

Лес

-го- гу, жем-ку, инст, ком-му, инст! Са-мый первый уйдешь ты в до-
рогу на-мгновенье твоем, гу.

Для повторения

Для повторения

-го- гу, ком-му, инст, ком-му, инст! - инст!
ты св-д

КОММУНИСТ

Слова Вл. ХАРИТОНОВА

Может, вдруг заиграют тревогу,
Темной ночью забудут горнист.
Самый первый уйдешь ты в дорогу,
Коммунист, коммунист!

Ты своим сердцем Друга заслонишь,
Если пути поплывишь свист,
И партию честь не уронишь,
Коммунист, коммунист!

Возмужал ты в борьбе за свободу
И душой справедливою чист.
Верный сын трудового народа,
Коммунист, коммунист!

Может, вдруг заиграют тревогу,
Темной ночью забудут горнист.
Самый первый уйдешь ты в дорогу,
Коммунист, коммунист!

СЕВЕРЯНКА

Слова И. ЛАШКОВА

Мы построили город
У реки голубой,
На таежных просторах
Повстречались с тобой.
Стала ты для меня, северянка,
Светлой песней, долгожданной
судьбой.

Бушевали метели,
Жгли огнем холода.
Здесь я сердце проверил,

Закалил на года.
И меня ты в тревожные будни
Добрым словом согрела
всегда.

Снова нам километры
На рассвете считать.
Океанские ветры
Будут нас провожать.
Твоим именем нежным, родная,
Новый город я хотел бы назвать.

Их спина, Загорела

Мы пос-тро-и-ли го-род у ре-ки го-лу-
бой

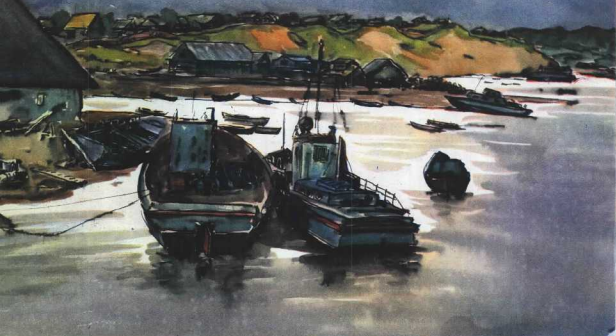
На та-еж-ных про-сто-рах по-вс-тречались с то-бой.

Стала ты для нас се-верянка светлой пес-
ней

Для повторения

Для повторения

Мы пос-тро-и-ли го-род у ре-ки го-лу-
бой

Троицкое — навайское село.

Николай Ларченко, слесарь из Солнечного.

Владимир ХАРЧЕНКО

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Мы приземлились на Хабаровском аэродроме в полдень по местному времени. Был солнечный, жаркий день. Такая погода держалась в течение всего месяца нашего путешествия по этому удивительному краю.

Особенно хорош вид на его столицу со стороны Амура. Зависают корпуса. Лес труп с белым дымом, клубящийся на фоне темных сопки, стрелы портовых кранов... Все это окаявлено дельтой Амура, по широкой гавани которого буханшани плавают натара и моторы.

Идем вниз по Амуру на теплоходе «Хабаров». Градские сопки в голубоватой дымке все ближе и ближе постулают и бегут к реке.

На левом берегу далеко вперед показался причал с традиционными красками. Вахтенный матрос сообщает: — Приближаемся к Комсомольску!

Город юности выглядит веселым и нарядным. Кута-

ис в свежую зелень, возвышаются светлые корпуса. Тридцать один год назад на этот берег сходили изумученные дорожкой, но твердо решившие воздвигнуть красавец-город упрямые комсомольцы.

Теперь здесь выросли заводы и фабрики, вузы и техникумы, парки и стадионы, дворцы и клубы, проспекты и площади. Раньше в город можно было добраться только в летнее время, по Амуру. Теперь в Комсомольск ежедневно приходит поезд из Хабаровска и Советской Гавани. А с аэродрома то и дело поднимаются пассажирские самолеты.

— Дорога на Солнечный поразила меня сдержанной красотой природы. По обе стороны шоссе тянутся величественные горы, на вершинах которых кое-где еще лежит снег. Это хребет Св. Чан. Далеко в ущелья, путается в зарослях и камнях, течет река Сиенна.

Солнечный — город будущего. Как и Амурск, он

«спутник» Комсомольска. Его строят и обживают новые поколения комсомольцев. Рассказывают, будто, когда геолог нашел на этом месте кусочек касситерита — оловянной руды, — из-за тум и сопки показалось солнце. Геолог удивленно промолвил:

— Солнечное!

Так и появилось это название. Возводит город Солнечный замечательные люди. Самый старший из строителей — шофер Прокоп Степаненко. Это он вел сюда первую группу рабочих. Дорога была трудная. Чтобы пройти расстояние в 56 километров, понадобилось 10 часов, почти столько же, сколько сейчас уходит на перелет отсюда до Москвы.

Побывав на стройках Солнечного, я видел, как работают молодежь. Светлана Емельянова, например, всего 19 лет, а она уже хорошистка каменщицы, возводит первый, и в этом смысле исторический, дом будущего индустриального города.

В Амурск пришли ночью. А на следующий день с эскадрией забрался на самую высокую сопку, Великолепное зрелище! Амур здесь разливается широкими рукавами, создавая несколько островов, заросших лесом. Поселок на крутых берегах напоминает нос громадного корабля, что врезался в реку и будто расклевывал ее воды по необычным просторам равнины. Слева — милые дома, а справа, у самого берега, воздвигаются громадные корпуса крупнейшего предприятия химической промышленности на Дальнем Востоке — целлюлозно-мартонового комбината.

Возвращаясь в Хабаровск, мы заехали по пути в ближайший поселок Троицкое. Хотелось познакомиться с коренным населением Приамурья. Ногд-то сюда, в глухую маньжускую деревню, добравшись неделями, теперь у самого поселка — в хорошую погоду. Теперь у самого поселка — в хорошую погоду. Теперь у самого поселка — в хорошую погоду.

И вот снова Хабаровск — город, откуда мы начали свое увлекательное путешествие и где его закончили.

Иван Куций, каменщик, бригадир аэродромной бригады коммунистического труда в Комсомольске-на-Амуре.

Амурск. Бумажно-целлюлозная фабрика.

